ВАШИНГТОН
ИРВИНГ
ЖИЗНЬ
МАГОМЕТА
ПУТЬ
ЧЕЛОВЕКА
И ПРОРОКА

Вашингтон Ирвинг

Жизнь Магомета. Путь человека и пророка

Серия «Биография пророка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17662458
В. Ирвинг. Жизнь Магомета. Путь человека и пророка: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-906789-92-1

Аннотация

Перед вами – увлекательная книга о пророке Мухаммеде. Прочитав ее, вы узнаете много не только о самом Мухаммеде, но и об Аравии, арабах и о тех временах, в которые он жил.

Автора книги, Вашингтона Ирвинга, принято называть отцом американской литературы. Он одним из первых решился написать биографию пророка ислама. До сих пор книга Ирвинга считается лучшей биографией Мухаммеда, написанной христианином. Книга проникнута глубоким уважением к личности и деятельности великого человека, изменившего ход мировой истории.

В тексте подробно излагается биография Мухаммеда, описываются его родные, его рождение, его младенческие и отроческие годы, его путешествия и подвиги, наружность и характер Мухаммеда и взгляд на его пророческую деятельность.

Содержание

Предисловие 5
Глава первая 6
Глава вторая 12
Глава третья 15
Глава четвертая 17
Глава пятая 20
Глава шестая 22
Глава седьмая 26
Глава восьмая 29
Глава девятая 34
Глава десятая 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Вашингтон Ирвинг
Жизнь Магомета. Путь человека и пророка

Washington Irving
Mahomet and His Successors

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Предисловие

Предлагая читателям историю жизни Магомета, я считаю нужным предпослать небольшое объяснение ввиду того, что никаких новых фактов я не мог прибавить к уже известным. Много лет тому назад, во время моего пребывания в Мадриде, я предполагал составить ряд очерков для характеристики времени господства арабов в Испании и хотел предпослать им жизнь основателя ислама и первого виновника завоеваний, сделанных арабами. Многие частности я заимствовал из испанских источников и из перевода арабского историка Абульфеды, сделанного Ганиером, копию с которого я нашел в библиотеке иезуитов в монастыре св. Исидора в Мадриде.

Во время моего последнего пребывания в Испании я воспользовался утомительной скукой довольно продолжительного недомогания, чтобы просмотреть рукописи, пользуясь при этом разъяснениями, сделанными за последнее время различными писателями, и в особенности умным и ученым библиотекарем Гейдельбергского университета Густавом Вейлем, тщательным исследованиям которого я очень многим обязан.

Таково происхождение труда, предлагаемого теперь вниманию публики и не имеющего никакой претензии на новизну сообщаемых фактов или на глубину изысканий. Он все еще носит на себе отпечаток сочинения, предназначенного для Семейной библиотеки, причем я больше всего имел в виду передать в легкой, понятной форме факты, относящиеся к жизни Магомета, и те легенды и предания, которые встречаются постоянно в восточной литературе; в то же время я старался сообщить сущность веры Магомета, насколько она может заинтересовать обычного читателя. При таких обстоятельствах я счел излишним испещрять страницы ссылками и цитатами и старался не отступать от обычной номенклатуры.

В. И. Сансейд, 1849 г.

Глава первая

Предварительные сведения об Аравии и арабах.

В течение длинного ряда лет, начиная с самой ранней исторической эпохи и вплоть до VII столетия Христианской эры, обширный полуостров, окруженный Красным морем, рекой Евфрат, Персидским заливом и Индийским океаном и известный под именем Аравия, оставался в прежнем неизменном виде, и события, глубоко потрясавшие остальную Азию, Европу и Африку, почти не коснулись его. В то время как царства и империи возникали и погибали, как древние династии исчезали с лица земли, как границы и населения стран изменялись, а их обитатели истреблялись или уводились в плен, Аравия, невзирая на то, что пограничные ее области переживали некоторые перемены, сохранила в глубине своих пустынь свой первоначальный характер и свою независимость, а населявшие их кочевые племена никогда не склоняли своей главы под игом рабства.

Арабы относят предание о своей стране к самой отдаленной древности. По их словам, она заселена была вскоре после потопа потомством Сима, сына Ноя, постепенно разбившимся на несколько племен, из которых наиболее замечательными были адиты и тамудиты. Все эти первоначальные племена, по сказанию, или стерты были с лица земли в наказание за их беззакония, или же исчезли при последующих поколениях, так что относительно их остались только смутные предания и несколько страниц в Коране. О них иногда упоминается в истории Востока как о «древних первобытных арабах» или как об «исчезнувших племенах».

Уцелевшее население полуострова, по мнению тех же авторитетных источников, произошло от Катана или Иокатана, потомка Сима в четвертом колене. Его потомство распространилось по южной части полуострова и вдоль Красного моря. Яраб, один из его сыновей, основал государство Йемен, и вся территория получила название в честь его; от Яраба аравитяне производят название как себя, так и своей страны. Другой его сын, Джюргам, основал царство Хеджена, где его потомки царили в течение нескольких поколений. Это тот самый народ, который оказал гостеприимство Агари и Измаилу, изгнанным из дома патриархом Авраамом. Впоследствии Измаил женился на дочери Водада, владетельного князя из рода Джюргама, и таким образом чужеземец и еврей привился к первоначальному арабскому родословному дереву. Это доказывает мощную силу этого дерева. Жена Измаила принесла ему двенадцать сыновей, приобретших господство над страной, и их обильное потомство, разделившись на двенадцать колен, изгнало первоначальное потомство Иокатана.

Такие сведения о своем происхождении сообщают арабы, населяющие полуостров[1]. Христианские же писатели приводят их в доказательство исполнения завета между Богом и Авраамом. Согласно Священному Писанию, «сказал Авраам Богу: о, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим!». Бог же сказал: «И о Измаиле Я услышал тебя; вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ» (Быт. 17:18, 20). Далее в Библии упоминается об этих двенадцати князьях и о том, что они со своими племенами занимали страну «от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии» (Быт. 25:18), – область, отождествляемую библейскими географами с частью Аравии. Описание их согласуется с тем, что мы видим у совре-

[1] Помимо арабов, населявших полуостров, были и другие, называемые кушитами, они происходили от Куша, сына Хама. Они заселяли берега Евфрата и Персидского залива. Именем Куш часто в Священном Писании называются арабы вообще, равно как и их страна. Вероятно, к арабам этого племени принадлежат те, которые бродят и теперь по пустынным областям древней Ассирии и в последнее время привлекались для раскопок развалин Ниневии. Их иногда называют также сирийскими арабами. В нашей книге мы будем говорить только об арабах, населяющих полуостров, или о настоящих арабах.

менных арабов: некоторые жили в городах и укреплениях, другие – в палатках или поселках в пустыне. Наваиоф и Кидар, старшие сыны Измаила, чаще всего упоминаются как отличавшиеся богатством стад, табунов и тонкостью руна овец. От Наваиофа произошли наватеи (набатеи, набатейцы), населившие каменистую Аравию, а именем Кидара в Библии называется иногда весь арабский народ. «Горе мне, – говорит псалмопевец, – что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских» (Пс. 119:5). Наваиоф и Кидар были, по-видимому, родоначальниками кочующих арабов, этих пастушеских племен, «свободных сынов пустыни», «народа мирного», как говорит пророк Иеремия, живущего беспечно: «ни дверей, ни запоров нет у него, живут поодиночке» (49:31).

Строгое различие возникло в самые ранние времена между арабами, «жившими в городах и укреплениях» и «жившими в палатках». Некоторые из числа первых занимали плодородные ущелья или долины, кое-где разбросанные среди гор, где эти города и укрепления окружены были виноградниками и плодовыми садами, пальмовыми рощами, хлебными полями и плодоносными пастбищами. Они вели оседлый образ жизни и занимались обработкой земли и скотоводством.

Другие же из числа их занимались торговлей и имели гавани и города вдоль Красного моря, южного берега полуострова и Персидского залива и вели заграничную торговлю на кораблях и караванах. Таковыми в особенности были арабы, населявшие Йемен, или Счастливую Аравию, эту страну пряностей, благовоний и ладана, которую поэты называли Сава (Савея, Саба, Сабея), а Священное Писание – Шеба (Шева). Они были из числа самых деятельных торговых мореплавателей восточных морей. Их корабли доставляли бальзамы с противоположного варварийского берега, золото, пряности и другие богатые и роскошные продукты из Индии и из Тропической Африки. Все эти товары вместе с продуктами их собственной страны перевозились караванами через пустыни к полуарабским городам – Аммон, Моав, Едом, или Идумея, – к финикийским гаваням Средиземного моря и отсюда распространялись по странам Запада.

Верблюд назывался «кораблем пустыни», а караван можно было бы назвать ее флотом. Караваны Йемена обыкновенно снаряжались, охранялись и велись кочующими арабами, обитателями палаток, которых в силу этого можно было бы назвать пловцами пустынь. Они доставляли массу нужных верблюдов и восполняли груз тонкою шерстью своих бесчисленных стад. Из книг пророческих видно, какое важное значение в библейскую эпоху имел торговый путь, соединявший южные страны – Индию, Эфиопию и Счастливую Аравию с древней Сирией.

Иезекииль, оплакивая Тир, говорит: «Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою: ягнят, и баранов, и козлов променивали тебе. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями и золотом платили за товары твои. Харан, и Хане, Еден[2], купцы савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою» (Иез. 27:21–23). А Исайя, обращаясь к Иерусалиму, говорит: «Множество верблюдов покроет тебя – дромадеры из Мадиама и Ефы; все они из Савы придут, принесут золото и ладан… Все овцы Кидарские будут собраны к тебе; овны Наваиофские послужат тебе»… (Ис. 60:6–7).

Арабы-земледельцы и ремесленники, обитатели городов и поселков, никогда, однако, не считались представителями истинного типа этого народа. Нравы их смягчились благодаря оседлым и мирным занятиям, и они лишились многих типичных черт вследствие сношений своих с чужестранцами. Кроме того, Йемен, как более доступный сравнительно с остальными частями Аравии, представлял больше приманок для грабителей и терпел неоднократные нападения в захваты.

[2] Харан, Хане и Еден – порты Индийского моря.

Другие арабы, кочующие сыны пустынь, обитатели палаток, были гораздо более многочисленны, и в них национальный характер сильнее сохранился во всей первобытной мощи и свежести. Кочевники по своим привычкам, пастухи по занятию, они по опыту и преданию знакомы были со всеми тайными сокровищами пустынь и, ведя бродячую жизнь, переходили с места на место в поисках тех колодцев и источников, которые служили прибежищами для их предков времен патриархов; они разбивали палатки всюду, где находили финиковые деревья, служившие им тенью, и пастбища для своих стад и табунов, и перекочевывали дальше, как только истощались временные средства продовольствия.

Эти кочующие арабы разделялись и подразделялись на бесчисленные мелкие роды и семьи, имевшие каждый своего шейха или эмира, нечто вроде древнего патриарха, который у своей палатки втыкал копье как знак своей власти. Его власть, хотя и сохранявшаяся в течение многих лет в том же семействе, была не строго наследственной, но зависела от доброй воли рода. Его могли сменить и назначить на его место другого человека из другой семьи. Его власть была тоже ограничена и зависима от личных его достоинств и от доверия, питаемого к нему. Власть его заключалась в том, что он мог вести переговоры о войне и мире, предводительствовать своим племенем в войне против неприятеля, выбирать место для лагеря и принимать знаменитых чужестранцев. Но и в отношении этих и подобных прав он находился под контролем общественного мнения и желаний своего народа[3].

На какое множество мелких групп ни распадалось бы племя, родственные узы тщательно оберегались в памяти всех семей. Все шейхи одного племени признавали общего главу, называемого шейхом над шейхами, который – безразлично, обитал ли он в замке, выбитом в скалах, или в палатке среди стад и табунов, – мог всегда собрать под своим знаменем все рассеянные ветви племени, признававшие общую власть.

Многочисленность этих кочующих племен, каждое со своим маленьким князьком и скудной территорией, но без общего главы, вызывала частые столкновения. К тому же месть признавалась у них почти религиозным принципом. Ответить за убийство родственника считалось обязанностью семьи, и нередко в это дело вовлекалась часть всего племени; иногда даже долг кровной мести оставался неисполненным в течение целых поколений и вызывал смертельную вражду.

Необходимость быть вечно настороже, чтобы защищать свои стада и табуны, заставляла араба приучаться с раннего детства к оружию. Никто не умел лучше его употреблять лук, копье и палаш, равно как и управлять конем. Но он оставался преимущественно раз-

---

[3] «Летом, – пишет Буркхардт, – кочующие арабы редко остаются более трех или четырех дней на одном и том же месте; как только их скот уничтожит всю траву местечка, снабженного водой, племя пускается дальше в поисках пастбища, а когда отрастает снова там трава, она служит другому отряду. Лагери различаются количеством палаток: их бывает от шести до восьмисот; когда палаток немного, они размещаются кругом, но при более значительном количестве они располагаются по прямой линии или рядами отдельных палаток, по три и по четыре, одна за другой, преимущественно вдоль речонки. Зимой, когда нет недостатка в воде и в пастбищах, все племя рассеивается по пустыне партиями в три или четыре палатки на расстоянии получасовой езды от одной партии до другой. Палатка шейха всегда ставится с того края поселка, с которого можно ожидать появления врагов или гостей. Предъявить отпор первым и принять вторых составляет главную обязанность шейха. Каждый отец семейства втыкает копье в землю рядом со своей палаткой и привязывает лошадь спереди. Тут отдыхают и его верблюды по ночам».А вот описание ассирийских арабов, хотя в значительной степени это применимо и ко всем арабам вообще: «Трудно описать картину значительного племени во время его перекочевки к новым пастбищам. Мы вскоре очутились среди обширных стад овец и верблюдов. На всем пространстве, какое мы могли окинуть взором, и справа, и слева, и впереди нас виднелись все те же движущиеся стада. Длинные ряды ослов и быков, навьюченных черными палатками, огромными котлами и пестрыми коврами; пожилые женщины и мужчины, неспособные идти, привязаны были сверху домашнего скарба; худенькие головки детей торчали из узких отверстий мешков, приделанных к седлам; они колыхались на спинах животных и уравновешивались козлятами или ягнятами, привязанными с противоположной стороны; молодые девушки в узких арабских рубашках, скорей обрисовывавших, чем скрывавших их грациозные формы; женщины с детьми на плечах; мальчики, погонявшие стада ягнят; всадники, вооруженные длинными пиками, мчавшиеся по равнине на своих быстроногих кобылицах или погоняющие своих верблюдов короткими серпообразными палками, держа своих породистых коней на поводу, и, наконец, прыгающие жеребята – такова была пестрая толпа, сквозь которую нам пришлось пробивать себе дорогу».

бойником, и, хотя иногда служил купцам, доставляя им верблюдов, проводников и погонщиков для перевозки товаров, тем не менее он более всего склонен был брать выкупы с караванов или, не стесняясь, грабить их во время утомительного шествия по пустыне. Все это он признавал законным применением своего оружия, считая корыстолюбивых сынов торговли за людей более низкой расы, приниженной жаждой и привычкой к наживе. Таковы были арабы пустыни, обитатели палаток, на которых сбылось пророчество относительно их предка Измаила: «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него…» (Быт. 16:12).

Природа как бы создала араба для этой участи. Он был легок и худ, но мускулист и деятелен, способен переносить значительную усталость и трудные переходы. Он был умерен и даже воздержан, требуя мало пищи, и притом самой простой. Его ум, как и его тело, был легок и подвижен. Он преимущественно обладал интеллектуальными свойствами семитской расы, тонкой проницательностью, остроумием, быстротой соображения и блестящим воображением. Он воспринимал все очень быстро и горячо, но у него часто менялось настроение; гордый и смелый дух сказывался в его смуглом лице и светился в его темных блестящих глазах. Можно было быстро увлечь его красноречием и очаровать прелестью поэзии. Говоря на языке очень богатом, слова которого сравнивались с жемчужинами и цветами, он был оратором по природе; но он восторгался больше пословицами и остроумными изречениями, чем последовательной логической речью, и был склонен выражать свои мысли в восточном духе – нравоучительными баснями и притчами.

Неутомимый воин и грабитель, он был великодушен и гостеприимен. Раздавать подарки доставляло ему наслаждение. Дверь всегда была настежь открыта для путника, с которым он охотно делился последним куском; и его самый смертельный враг, переломив с ним хлеб, мог в полной безопасности отдыхать под кровом его палатки, считавшейся ненарушимой святыней.

Свои религиозные взгляды арабы в ту эпоху, которую они называют «днями неведения», заимствовали большей частью от сабеев и магов, религии которых преимущественно господствовали в то время на Востоке. Но больше они склонялись к сабеизму, относя начало его к Саби, сыну Сифа, который, по их мнению, вместе с отцом и его братом Энохом был схоронен в пирамидах. Другие же производят это название от еврейского слова «саба», или звезда, что указывает на то, что это была вера ассирийских пастухов, которые пасли свои стада на равнинах, расстилавшихся под безоблачными небесами, следили по ночам за движением звезд и составляли различные догадки о добром и злом влиянии их на человеческие дела; смутные их догадки халдейские философы и жрецы возводили затем в систему, считавшуюся даже более древней, чем религия египтян.

Другие приписывали эту религию еще более высокому авторитету и утверждали, что эта религия существовала до потопа. По их мнению, она пережила потоп и поддерживалась патриархами. Эту религию будто бы исповедовали Авраам и его потомки, дети Израиля, и она освящена и подтверждена была на скрижалях законов, врученных Моисею среди грома и молний на Синайской горе.

В первоначальном виде религия сабеев была чиста и духовна; заключая в себе веру в единого Бога, она учила о возмездии за добро и зло в будущей жизни и о необходимости добродетельной и святой жизни для приобретения счастливого посмертия. Так велико было благоговение сабеев к Верховному Существу, что они никогда не произносили Его имени, никогда не дерзали приблизиться к Нему иначе, как через ангелов. Последние, по мнению сабеев, населяли и оживляли небесные светила подобно тому, как в человеческом теле обитает душа, наполняющая его жизнью. Ангелы эти обитали в религиозных небесных сферах, чтоб наблюдать над Вселенной и управлять ею по воле Верховного Владыки. Обращаясь к звездам и другим небесным светилам, сабеи не поклонялись им как божествам, но старались

только умилостивлять обитающих на них ангелов как посредников между Богом и людьми, обращаясь через эти созданные светила к Богу, великому их Творцу.

Постепенно религия эта лишалась своей первоначальной простоты и чистоты и затемнялась таинствами, погрязая в идолопоклонстве. Сабеи, вместо того чтобы считать небесные светила за жилища посредников, поклонялись им как божествам; воздвигали грубые изображения их в священных рощах и в глубине лесов и, наконец, ставили их в своих храмах, воздавая им божеские почести. Религия сабеев претерпела разные перемены и видоизменения в различных странах, где была распространена. Долго обвиняли Египет в том, что он довел ее до самого унизительного искажения; изваяния, иероглифы и раскрашенные гробницы этой таинственной страны принимались за доказательства поклонения не только небесным силам, но и низшим животным и даже неодушевленным предметам.

Новейшие исследования и изыскания постепенно, однако, выясняют неосновательность этих обвинений против наиболее умственно развитой нации древности; и, по мере того как приподнимается покров с могил Египта, все более выясняется, что все эти мнимые предметы поклонения были просто символами различных свойств Верховного Существа, имя Которого было так священно, что смертные не дерзали произносить его. У арабов же вера сабеев смешалась с дикими предрассудками и с грубым идолопоклонством.

Каждое племя поклонялось своей отдельной звезде или планете и имело своего особенного идола. Детоубийство примешалось к их религиозным обрядам, в силу чего они стали ужасны и отвратительны. У кочующих племен рождение дочери считалось несчастием; женщина не могла быть особенно полезна при кочующей и разбойничьей жизни, но могла навлечь бесчестье на семью, попав в плен или ведя развратную жизнь. Таким образом, поводы, вытекавшие из естественного строя жизни, примешивались к религиозным чувствам арабов и побуждали их приносить детей женского пола в жертву идолам или же зарывать их живыми.

Другая секта, магов, или гебров (огнепоклонников), тоже господствовала, как мы выше упомянули, на Востоке; она возникла в Персии, где несколько времени спустя ее учение было изложено письменно великим пророком и учителем Зороастром в книге «Зенд-Авеста». Это верование, как и вера сабеев, было вначале просто, чисто и духовно, признавая единого верховного и вечного Бога, Которым и через Которого существует весь мир. Он своим творческим словом породил два действующих начала: Ормузда – начало, или ангела света и добра, и Аримана – начало, или ангела мрака и зла; оба эти начала образовали Вселенную из соединения противоположных своих свойств и ведут вечную борьбу, управляя делами мира. Отсюда перевес то добра, то зла, смотря по тому, побеждает ли ангел света или ангел мрака; эта борьба будет продолжаться до конца мира, когда настанет всеобщее воскресение и день суда; ангел мрака и его последователи будут изгнаны в обитель ужасной тьмы, а их противники войдут в блаженное царство вечного света.

Первоначальные обряды этой религии были очень просты. У магов не было ни храмов, ни алтарей, ни религиозных символов; они обращались со своими молитвами и гимнами непосредственно к Богу или к солнцу, считая его обителью божества. Они чтили это светило как жилище Бога и как источник света и тепла, из которых состоят все остальные светила, и возжигали огни на вершинах гор, чтобы не угасал свет, когда заходило солнце. Зороастр первый устроил храмы, где священный огонь, будто бы нисшедший с неба, поддерживался всегда жрецами, охранявшими его день и ночь.

Со временем и в этой секте, как и у сабеев, символ затемнил понимание божественного принципа, и последователи ее стали поклоняться свету и огню как реальным божествам и страшиться мрака как сатаны или дьявола. В своем фанатическом рвении маги готовы были хватать неверующих и бросать их в пламя для умилостивления огненного божества.

В Книге Премудрости Соломона следующие прекрасные слова относятся к приверженцам этих двух сект: «Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила».

Из этих двух религий сабейская, как мы уже заметили, более господствовала среди арабов, но в значительно искаженном виде, смешанная у различных племен с разного рода злоупотреблениями. Религии магов придерживались преимущественно племена, которые, живя близ границ, имели частое общение с Персией, тогда как другие племена разделяли предрассудки и идолопоклонство того народа, по соседству с которым они обитали.

Иудейская вера рано проникла в Аравию, но в очень неопределенном и несовершенном виде; и однако ж многие из ее обрядов, церемоний и причудливых традиций прижились в этой стране. Впоследствии, когда Палестина была опустошена римлянами, а Иерусалим взят и разрушен, многие евреи искали убежища в Аравии, поселились среди ее коренных жителей, образовали собственные общины, приобрели плодородные участки, построили замки и крепости и достигли значительной власти и влияния.

Христианская религия тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к галатам говорит, что он, вскоре после того как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию». Распри, возникшие в восточной церкви в первой половине III столетия, образовали различные секты, из которых каждая, достигнув господства, преследовала остальные, ссылала ее членов в отдаленные земли Востока, и таким образом распри эти содействовали распространению христианства среди некоторых главных арабских племен.

Вышеприведенные обстоятельства, физические и нравственные, могут дать нам некоторое понятие о причинах, в силу которых арабы несколько столетий не претерпевали никаких резких переворотов. Их особенное положение и обширные пустыни служили им защитой от завоеваний врагами, а их внутренние раздоры и недостаток общих уз, политических или религиозных, были причиной того, что они не представляли опасности как завоеватели. Они являлись обширным сборищем отдельных частей, полных личной мощи, но нуждавшихся в общей связующей их силе. Хотя кочевая жизнь делала их отважными и деятельными, хотя большинство их было воинственно с детства, но их оружие было направлено друг против друга, и исключение составляли только некоторые пограничные племена, игравшие роль наемных войск во внешних войнах. Поэтому в то время как другие кочевые племена Центральной Азии, обладавшие небольшой воинственностью, уже в течение столетий успешно делали набеги и завоевывали цивилизованный мир, этот воинственный народ, не сознавая своей силы, оставался разъединенным и безопасным в глубине своих родных пустынь.

Настало наконец время, когда эти враждующие племена объединились одной верой и воодушевились одной общей задачей; явился мощный пророк, сплотивший эти разрозненные части, вдохновивший их одной смелой и восторженной идеей и двинувший этих титанов пустыни потрясать и пересоздавать земные царства.

Глава вторая

Рождение и семья Магомета. Его детство и отрочество.

Магомет, великий основатель ислама, родился в Мекке в 570 году по Р. Х. Он происходил из воинственного и значительного племени курайш, в котором существовали две ветви, происходившие от двух братьев – Хашима и Абд Шима. Хашим, прадед Магомета, был великим благодетелем Мекки. Город этот построен в бесплодной и каменистой местности и часто в прежнее время терпел нужду от недостатка в съестных припасах. В начале VI столетия Хашим установил ежегодно отправлять два каравана: один, зимой, в Южную Аравию и Йемен, другой, летом, в Сирию. Благодаря этому в Мекку обильно доставлялись всякие продукты и разнообразные товары; город превратился в торговый центр, и племя курайш, принимавшее живое участие в этих экспедициях, стало богато и могущественно. Хашим в это время был охранителем Каабы – объекта великого почитания арабов, стекавшихся на поклонение ему. Охранение этого камня вверялось только самым почетным родам и семьям, подобно тому как в прежнее время Иерусалимский храм находился исключительно на попечении левитов. Охранение Каабы соединено было с гражданскими должностями и с привилегией управлять священным городом.

По смерти Хашима его сын Абд аль-Мутталиб унаследовал его почетные должности и его патриотические чувства. Он освободил священный город от нападавших на него войск и слонов, посланных христианскими князьями Абиссинии, во власти которых находился в то время Йемен. Эти выдающиеся заслуги отца и сына упрочили должность охранителя Каабы за родом Хашима, к великому неудовольствию потомков Абд Шима, питавших глубокую к нему зависть.

Абд аль-Мутталиб имел несколько сыновей и дочерей. Из числа его сыновей история упоминает: Абу Талиба, Абу Лахаба, Аббаса Гамзу и Абдаллаха. Последний был младшим и возлюбленным сыном. Он женился на Амине, девушке из отдаленной ветви того же знаменитого рода курайшитов. Абдаллах так отличался красотой и качествами, пленяющими женщин, что, если верить мусульманским преданиям, в ночь его свадьбы с Аминой двести девушек из племени курайш умерли от разрыва сердца.

Магомет был единственным плодом этого брака, так мрачно ознаменованного. Его рождение, по тем же преданиям, сопровождалось явлениями, указывавшими на то, что это был необыкновенный ребенок. Его мать не испытала никаких болей во время родов. В момент его появления на свет небеса всей окрестной территории озарились необыкновенным блеском, и новорожденный младенец, подняв глаза к небу, воскликнул: «Велик Бог! Нет Бога, кроме Бога, и я Его пророк».

Небо и земля, как утверждает предание, всколыхались при его рождении. Озеро Сава вернулось к своим тайным источникам, и дно его оказалось сухим, в то время как река Тигр, выйдя из берегов, затопила все окрестные страны. Дворец персидского царя Хосрова был потрясен до самого основания, и многие из башен рухнули на землю. В эту тревожную ночь кади, или судья, Персии увидел во сне дикого, яростного верблюда, укрощенного арабским всадником. Он утром рассказал свой сон персидскому царю и объяснил его тем, что со стороны Аравии грозит Персии великая опасность.

В ту же знаменательную ночь, по словам тех же преданий, священный огонь Зороастра, поддерживаемый магами непрерывно в течение тысячи лет, внезапно потух, и идолы всего мира упали на землю. Демоны, или злые джинны, скрывавшиеся в звездах и знаках зодиака и имевшие злое влияние на детей, были свергнуты чистыми ангелами и вместе со своим главным вождем Иблисом, или Люцифером, погибли в бездне морской.

Родственники новорожденного ребенка были поражены удивлением и ужасом. Брат его матери, астролог, по гороскопу Магомета предсказал, что он достигнет обширной власти, будет основателем царства и даст людям новую религию. Его дед Абд аль-Мутталиб на седьмой день после рождения Магомета задал пир всем главным курайшитам, и представил им младенца как зарю зарождающейся славы их племени, и назвал его Магометом, или, вернее, Мухаммадом в указание на его будущее призвание.

Таковы фантастические рассказы мусульманских писателей относительно рождения Магомета; о его детстве мы имеем только такие же басни. Едва прошло два месяца после его рождения, как умер его отец, оставив ему в наследство пять верблюдов, несколько овец и рабыню родом из Абиссинии, по имени Баракат. Мать его – Амина – вначале кормила его своим молоком, но горе и заботы иссушили ее грудь, и так как воздух Мекки был нездоров для детей, то она приискала ему кормилицу из числа женщин соседних племен бедуинов. Последние приходили обыкновенно в Мекку два раза в год, весной и осенью, чтобы брать на воспитание детей горожан; но они преимущественно выбирали детей богатых людей, рассчитывая на обильное вознаграждение, и с презрением отворачивались от бедняков. Наконец одна женщина, по имени Халема, жена саадитского пастуха, сжалилась над беспомощным ребенком и взяла его к себе; жила она в одной из пастушеских долин, раскинутых среди гор[4].

Много различных чудес рассказывала Халема о своем питомце. По дороге из Мекки мул, на котором он ехал, получил вдруг дар слова и громко провозгласил, что ребенок, покоящийся на его спине, будет величайшим пророком, главою небесных посланников, любимцем Всемогущего. Овцы, мимо которых они проезжали, кланялись ему; и когда младенец лежал в своей колыбели и глядел на луну, она из благоговения останавливалась на небе.

Арабские писатели утверждают, что небесное благословение вознаградило Халему за ее великодушие. Пока ребенок оставался под ее кровлей, все кругом нее процветало. Источники и колодцы никогда не высыхали, пастбища вечно зеленели; стада и табуны умножались; дивное плодородие царило на полях, а мир – в ее жилище.

Арабские легенды продолжают далее повествовать о сверхъестественных силах, телесных и духовных, которые этот дивный ребенок проявлял с самых ранних лет. В три месяца он мог уже стоять один, в семь – бегать, а в десять месяцев он мог участвовать вместе с остальными детьми в состязаниях, натягивать лук и метать стрелы. В восемь месяцев он так говорил, что его можно было понять; а в девять он мог свободно разговаривать, проявляя мудрость, удивлявшую всех слушавших его.

Когда ему минуло три года, он однажды играл в поле со своим молочным братом Мафудом; и вот перед ним предстали два ангела в блестящих одеждах. Они нежно положили Магомета на землю, и один из ангелов, Гавриил, раскрыл его грудь, не причиняя ему ни малейшей боли, вынул его сердце, очистил его от всяких скверн, выжав из него те черные и горькие капли первородного греха, которые мы наследуем от нашего прародителя Адама и которые, таясь в сердце даже лучших из его потомков, наталкивают их на преступления. Вполне очистив сердце, Гавриил наполнил его верой, знанием и пророческим ясновидением и снова вложил в грудь ребенка. Тогда, по уверению тех же писателей, от него стал изливаться таинственный свет, который, начиная с Адама, сиял во всем священном ряде пророков, вплоть до Исаака и Измаила, но который затем погас у их потомков, чтоб снова с еще более лучезарным блеском засиять от лица Магомета.

От этого сверхъестественного посещения, прибавляют арабы, осталась у ребенка печать пророчества между плечами, служившая всю жизнь символом и доказательством его

[4] Бану-Саад (или дети Саада – саадиты) относят свое начало к самой отдаленной древности и вместе с арабским племенем катан являются последними представителями первобытных арабских племен. Их долина находится в горах, тянущихся на юг от Таифа.

божественного посланничества, хотя неверующим это казалось родимым пятном величиной с куриное яйцо.

Когда Халема и ее муж узнали об этом чудесном посещении ангелов, они устрашились, опасаясь, чтоб не случилось какого-нибудь несчастия с ребенком, предполагая, что эти сверхъестественные посетители были из числа злых духов, или джиннов, посещающих уединенные пустыни, причиняя различные несчастия детям. Поэтому кормилица отнесла его обратно в Мекку и передала его в руки Амины.

Он оставался с нею до шести лет, когда она повезла его с собою в Медину, чтобы навестить родственников из племени Адии, но на обратном пути она умерла и была похоронена в Абве, деревне, расположенной между Мединой и Меккой. Ее могила, как мы увидим дальше, стала для Магомета предметом набожных посещений и нежных воспоминаний в последующие годы его жизни.

Верная раба-абиссинка Баракат заменила теперь мать ребенку-сироте и отвела его к деду Абд аль-Мутталибу, у которого он оставался два года и где он встретил нежную заботу и ласку. Абд аль-Мутталиб был в очень преклонных годах, переступив за пределы срока человеческой жизни. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе старшего своего сына Абу Талиба и поручил Магомета его особенному попечению. Добрый Абу Талиб прижал племянника к своему сердцу и впоследствии всегда по-родственному относился к нему. По смерти отца Абу Талиб унаследовал обязанность охранителя Каабы, и Магомет несколько лет жил в обстановке, где все обряды и церемонии священного дома строго соблюдались. Здесь мы считаем нужным несколько подробнее ознакомить читателей с происхождением Каабы, равно как и с обрядами, преданиями и поверьями, связанными с нею, так как все это имеет очень близкое отношение к исламу и к истории его основателя.

Глава третья

Предание о Мекке и Каабе.

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, то, по арабским преданиям, они очутились на различных частях земного шара: Адам – на горе острова Серендиба, или Цейлона, а Ева – в Аравии, на берегу Красного моря, там, где в настоящее время находится порт Джидда. Двести лет блуждали они отдельно и одиноко по земле, пока наконец, ввиду их раскаяния и горя, им позволено было сойтись снова на горе Арафат близ Мекки. Преисполненный горя и раскаяния Адам, по словам предания, вознес руки и глаза к небу и умолял Бога о милосердии, прося у Него даровать ему алтарь, подобный тому, которому он поклонялся в раю и вокруг которого витали ангелы, воспевая хвалу Богу.

Мольба Адама была услышана. Храм, или алтарь, из лучезарных облаков был спущен ангелами на землю, как раз под тем самым местом, где находятся его первообраз в небесном раю. К этому нисшедшему с неба ковчегу Адам обращался с тех пор во время молитвы и ежедневно обходил его семь раз, как бы подражая тому, что делали ангелы, прославляя Бога.

По смерти Адама, согласно тем же преданиям, облачный ковчег исчез или взят был обратно на небо; но другой, сходный по форме, на том же месте был воздвигнут из камня и глины Сифом, сыном Адама. Но и этот алтарь смыт был потопом. Спустя много лет после того, во времена патриархов, когда Агарь и ее сын Измаил умирали в пустыне от жажды, ангел указал им источник или колодец, полный воды, вблизи того места, где прежде находился алтарь. Это был источник Земзем, почитаемый потомством Измаила как священный по настоящее время. Вскоре после того два человека из племени великанов-амалекитян, отыскивая верблюда, убежавшего из их лагеря, нашли этот источник и, утолив свою жажду, привели к этому месту своих товарищей. Здесь они основали город Мекку, приняв Измаила и его мать под свое покровительство. Они вскоре изгнаны были обитателями этой страны, у которых остался Измаил. Когда он возмужал, то женился на дочери владетельного князя и имел от нее многочисленное потомство, считающееся предками арабского народа. В течение этого времени он, по Божьему повелению, предпринял попытку восстановить Каабу на том самом месте, где находился заоблачный алтарь. В этом набожном деле ему помогал отец его Авраам. Необыкновенный камень служил Аврааму подмостками, поднимавшимися и опускавшимися вместе с ним по мере того, как он выводил стены священного здания. Камень и теперь остается там как бесценная святыня, и отпечаток ноги патриарха ясно видят на нем все правоверные. В то время как Авраам и Измаил были заняты постройкой здания, архангел Гавриил принес им камень, относительно которого древние сказания несколько расходятся: по одним это был один из драгоценных камней рая, упавших на землю вместе с Адамом; в иле потопа он был впоследствии отыскан архангелом Гавриилом; по более общепринятому сказанию этот камень был вначале ангелом-хранителем, приставленным к Адаму в раю, но который превращен был в камень и при падении Адама низвергнут вместе с ним в наказание за то, что не был достаточно бдителен. Этот камень Авраам и Измаил приняли с подобающим благоговением и вделали его в угол внешней стены Каабы, где он остается и в настоящее время, причем все правоверные целуют его каждый раз, как обходят вокруг храма. Когда в первый раз камень этот был вделан в стену, он был блестящ и бел, как гиацинт, но постепенно почернел от поцелуев грешных уст смертных людей. При воскрешении он снова примет вид ангела и станет свидетелем пред Богом в защиту тех, которые вполне выполнили все обряды посещения святых мест.

Таковы арабские предания, в силу которых Кааба и источник Земзем являются предметами особенного почитания с самых древнейших времен у всех восточных народов, а

в особенности у потомков Измаила. Мекка, вмещающая эти священные предметы в своих стенах, была священным городом за много лет до возникновения магометанства и центром, куда стекались богомольцы со всех частей Аравии. Так глубоко и так всеобще было уважение к исполнению этих обрядностей, что ежегодно четыре месяца посвящены были путешествию на поклонение Каабе, и никакое насилие, а тем более никакая война за это время не дозволялись. Враждовавшие племена складывали свое оружие, снимали наконечники с пик и в полной безопасности следовали по самым опасным пустыням и в одеждах богомольцев толпами входили во врата Мекки. Тут они в подражание ангелам семь раз обходили вокруг Каабы, прикасались и целовали таинственный «черный камень», пили и делали возлияние при источнике Земзем в память их предка Измаила и, исполнив все остальные обряды пилигримов, безопасно возвращались домой, чтобы снова взяться за оружие и вести войны.

В числе религиозных обязанностей арабов в те «дни неведения», то есть до возвещения мусульманского учения, пост и молитва играли первенствующую роль. У арабов в течение года существовало три главных поста: один продолжался семь, другой – девять и третий – тридцать дней. Они молились ежедневно по три раза: при восходе солнца, в полдень и при закате, обращаясь лицом по направлению к Каабе, служившей для них киблой, или местом поклонения. У них существовало много религиозных преданий, некоторые издавна перешли к ним от евреев; и они, как говорят, питали свои религиозные чувства чтением псалмов и другой книги, приписываемой Сифу и наполненной нравственными поучениями.

Церемонии и обряды, совершавшиеся в священном здании, могли с раннего детства наложить свой отпечаток на Магомета, воспитанного в доме охранителя Каабы, и направить его на размышления о религиозных вопросах, которые и поглотили его всецело. Хотя мусульманские биографы его и утверждают, что великая будущность его была ясно предсказана еще в детстве знамениями и чудесами, но, по-видимому, воспитание его велось так же нерадиво, как и воспитание остальных арабских детей, и мы знаем, что он не научился ни читать, ни писать. Впрочем, это был ребенок очень даровитый, наблюдательный и размышлявший обо всем, что видел, одаренный пылким воображением, отважный и общительный. Ежегодный наплыв пилигримов из отдаленных стран превращал Мекку в центр всех летучих сведений, которые мальчик, по-видимому, жадно воспринимал и сохранял в своей богатой памяти; по мере же того как он подрастал, перед ним все сильнее раскрывалась более широкая сфера для наблюдений.

Глава четвертая

Первое путешествие Магомета в Сирию с караваном.

Магомету минуло двенадцать лет, но, как мы видели, он был развит не по летам. В нем уже пробудилась жажда знания, вызванная общением с пилигримами из разных частей Аравии. Его дядя Абу Талиб наряду со священническим саном охранителя Каабы был и купцом и, как один из наиболее предприимчивых торговцев из племени курайш, вел заведенные предком его, Хашимом, обширные дела с караванами, торговавшими с Сирией и Йеменом. Приход и отход караванов, стекавшихся у ворот Мекки, производили приятное уличное оживление и действовали возбуждающим образом на такого юношу, как Магомет, перенося его воображение в далекие края. Он не мог более подавлять возникшего жгучего любопытства. И однажды, когда дядя его собирался отправиться с караваном в Сирию и уже садился на верблюда, он неотвязчиво стал просить позволения сопровождать его: «На чье же попечение ты оставишь меня, дядя, когда уедешь?» – сказал он.

Просьба эта тронула нежное сердце Абу Талиба. Он решил, что юноша уже достаточно взрослый, чтобы выступить на деятельную арену арабской жизни, и может оказать значительные услуги каравану; поэтому он охотно уважил его просьбу и взял с собою в Сирию.

Путь пролегал по странам, богатым баснями и преданиями, которые с увлечением рассказывают арабы при вечерней остановке караванов. Беспредельное одиночество в пустыне, в которой этот кочующий народ проводит большую часть своей жизни, способствует развитию суеверных фантазий; за то же арабы населили ее добрыми и злыми джиннами, разукрасили баснословными сказаниями о чудесных событиях, случившихся будто бы в старинные годы.

Во время таких вечерних остановок каравана молодой ум Магомета, без сомнения, воспринял многие суеверия пустыни, которые даже и впоследствии сохранялись в его памяти и имели могущественное влияние на его воображение. Мы отметим здесь два предания, которые он должен был слышать тогда и повествование о которых мы находим в Коране. Одно из них относится к гористой области Хиджаз. Тут, когда караван проходил по безмолвным пустынным долинам, по склонам гор виднелись пещеры, некогда населенные бану-Тамудами, или детьми Тамуда (тамудитами), одного из вымерших племен Аравии. Вот предание, существовавшее о них.

Это было надменное племя великанов, жившее до времен праотца Авраама. Когда они впали в идолопоклонство, Бог послал пророка по имени Салех, чтобы вернуть их на истинный путь. Они отказались, однако, повиноваться ему, пока он не докажет им божественности своего посланничества, заставив верблюдицу, носящую во чреве детеныша, появиться из недр горы. Салех стал молиться об этом, и тут гора расступилась, и из нее вышла самка верблюда, которая произвела на свет детеныша. Некоторые из тамудитов убедились этим чудом и отпали от идолопоклонства, большинство же продолжало пребывать в неверии. Салех оставил им верблюда как знамение того, что небесная кара постигнет их, если они причинят какое-нибудь зло животному. В продолжение некоторого времени самке дозволялось мирно пастись, уходя утром и возвращаясь вечером. Правда, если она наклоняла голову, чтобы напиться из ключа или источника, то не выпрямлялась, пока не выпивала все до последней капли, но, возвращаясь, доставляла такое количество молока, что его было достаточно для удовлетворения потребностей всего племени. Но на пастбище она пугала других верблюдов, из-за нее начали оскорблять тамудитов, так что они, наконец, убили ее. Вслед за тем страшный голос и сильнейшие раскаты грома раздались с небес, а на следующее утро все винов-

ники найдены были лежащими навзничь и мертвыми. Таким образом целое племя было сметено с лица земли, а страна их осталась навсегда под проклятием неба.

История эта произвела такое сильное впечатление на Магомета, что и впоследствии он не разрешал своему народу располагаться станом вблизи этого места, но торопил всех проходить мимо, считая его проклятым.

Другое предание, услышанное Магометом во время этого путешествия, относилось к городу Эль-Ула, расположенному недалеко от Красного моря.

Место это, как говорят, было населено в древние времена еврейским племенем, которое впало в идолопоклонство и оскорбило святость субботнего дня тем, что занималось в этот день рыболовством; за это старые люди были превращены в свиней, а молодежь – в обезьян.

Мы отметили эти два предания преимущественно потому, что Магомет приводит и то, и другое, доказывая, что Бог карает за грех идолопоклонства. Из этого видно, какой интерес возбуждал уже и в то время этот важный вопрос в уме юноши.

Мусульманские писатели, по своему обыкновению, рассказывают о чудесных явлениях, сопровождавших молодого Магомета во все время его путешествия, как о явном доказательстве постоянного покровительства неба. Однажды, когда он проходил по раскаленной песчаной пустыне, ангел незримо носился над ним, осеняя его своими крылами, – чудо, очевидно основанное не на свидетельстве очевидца; в другой раз его защищало облако, висевшее над его головой во все время полуденного зноя. Был и такой случай: однажды, когда он хотел укрыться под тенью сухого дерева, дерево это тотчас же покрылось листьями и цветами.

Пройдя вдоль окраины древних владений моавитян и аммонитян, часто упоминаемых в Священном Писании, караван прибыл в Босру (или Бостру), лежавшую за Иорданом, в стране, смежной с Сирией и населенной племенем манасехов. Во времена библейские это был город левитов, но теперь он был населен христианами-несторианами и служил торговым центром, куда ежегодно стекались караваны; сюда-то и прибыли наши путешественники для стоянки и расположились станом недалеко от несторианского монастыря.

Абу Талиб и племянник его были радушно приняты братством этих монахов. Один из них, называемый одними Сергием, а другими – Бахарой[5], при разговоре с Магометом был поражен его развитием не по летам и заинтересовался его жаждой знания, которая, по-видимому, сосредоточивалась преимущественно на вопросах религиозных. Они часто разговаривали друг с другом об этих предметах, и во время беседы все усилия монаха были направлены главным образом против идолопоклонства, в духе которого до сих пор воспитывался молодой Магомет, потому что несториане ревностно осуждали не только почитание икон, но и простое употребление их, причем щепетильность их в этом отношении доходила до того, что запрещение всяких видимых знаков поклонения распространялось отчасти даже на крест – эту общую эмблему христианства.

Многие утверждают, что благодаря этим разговорам с монахом Магомет познакомился с принципами и преданиями христианской веры, знание которых он обнаружил впоследствии; вероятнее всего, что он продолжал общение с этим монахом и при последующих поездках в Сирию.

Мусульманские писатели говорят, что интерес к молодому иностранцу возрос у монаха, потому что он случайно увидал между его плечами печать пророчества. Когда Абу Талиб возвращался в Мекку, монах будто бы советовал ему зорко следить за тем, чтобы его племянник не попался в руки евреев, предвидя проницательным взором пророка те неприятности и противодействия, которые Магомету предстояло встретить со стороны этого народа.

[5] Некоторые утверждают, что два этих имени принадлежат двум различным монахам, разговаривавшим с Магометом.

Не нужно, конечно, было никаких чудесных знаков, чтобы сектанта-монаха, стремившегося найти себе последователей, заинтересовать умным и любознательным юношей, племянником охранителя Каабы, который мог перенести в Мекку семена христианского учения, заброшенные в его впечатлительную душу; понятно, что монах, рассчитывая обратить в свою веру, страстно желал предохранить от увлечения еврейской верой юношу с неустановившимися еще религиозными убеждениями.

Магомет вернулся в Мекку; воображение его переполнено было странными рассказами и преданиями, слышанными в пустыне; в уме его глубоко запечатлелось учение, сообщенное ему в несторианском монастыре. Он и в дальнейшем, по-видимому, был полон таинственного благоговения к Сирии, вероятно, вследствие религиозных впечатлений, полученных там. То была страна, куда из Халдеи пришел некогда патриарх Авраам, принеся с собою первоначальное верование в единого истинного Бога. Впоследствии Магомет часто произносил следующие слова: «Бог, воистину, всегда в Сирии поддерживал блюстителей Своего слова; числом их было сорок; если умирал один, на место его посылался другой, и благодаря им благословение распространялось на всю страну». И еще: «Да возрадуется народ сирийский, потому что ангелы, по благости Бога, осеняют его своими крылами»[6].

Примечание. Отец Авраама, Азер или Зераль, как он назван в Библии, был скульптор и идолопоклонник. О том, как Авраам отвратился от идолопоклонства, в которое впал род человеческий после потопа, рассказывается в шестой главе Корана:

И Авраам сказал своему отцу Азеру: «Воистину, ты и твой народ заблуждаетесь, принимая за богов изображения, высеченные из камня».

Тут свод небесный раскрылся перед Авраамом, дабы он мог видеть, как управляется мир.

Когда наступила ночь и мрак застлал землю, он увидал блестящую звезду, загоравшуюся на небе, и обратился к своим людям, поклонявшимся звездам: «Так вы утверждаете, что это Бог?».

Но звезда скрылась, и Авраам сказал: «Я не верю в заходящих богов».

Тогда он увидал восходящий месяц и воскликнул: «Это, несомненно, Бог!».

Но и месяц точно так же скрылся, и Авраам смутился и стал молиться Богу, говоря: «Направь меня, дабы я не стал таким же, как этот заблуждающийся народ».

Увидя затем восходящее солнце, он воскликнул: «Вот это светило величественнее всех; несомненно, это – Бог!».

Но и солнце также зашло. Тогда Авраам сказал: «О народ мой, я не верю в те вещи, которые вы называете богами. Воистину, я обращаю лицо мое к Нему, Создателю, сотворившему небо и землю».

[6] Мишкат-ун-Мозабил, т. п. с. 812.

Глава пятая

Торговые занятия Магомета. Его женитьба на Хадидже.

Магомет окончательно погрузился теперь в деятельную жизнь, сопровождая своих дядей во время их разнообразных путешествий. Когда ему было около шестнадцати лет, он вместе с дядей своим, Зобиром, отправился с караваном в Йемен; затем он исполнял обязанности оруженосца у того же дяди, предводительствовавшего курайшитами, помогавшими кенатитам в их борьбе с племенем хавазан.

Это, говорят, было первое участие Магомета в войне, хотя все участие состояло только в том, что он снабжал дядю своего стрелами во время сражения и прикрывал его от неприятельских ударов. Войну эту арабские писатели называют позорным именем «ал-фоджар», или «нечестивой войной», потому что она велась в священные месяцы, посвященные богомолью. Когда Магомет возмужал, различные лица пользовались его услугами как торгового агента при отправках караванов в Сирию, Йемен и другие места. Все это способствовало расширению сферы его наблюдений и обогащало его знанием различных человеческих характеров и дел.

Он посещал часто ярмарки, которые в Аравии были не исключительно местами торговли, но часто и ареной для поэтических состязаний между различными племенами, где призы присуждались победителям, а поэмы, заслуживавшие награды, передавались на сохранение в княжеские архивы. Чаще всего такие состязания происходили на ярмарке в Окаде, и семь премированных там поэм были вывешены в Каабе как трофеи. На этих ярмарках рассказывались также народные арабские предания и усваивались различные религиозные верования, господствовавшие в то время в Аравии. Из таких устных источников Магомет усвоил постепенно многие разнообразные сведения о религиозных учениях, обнаруженные им впоследствии.

В Мекке жила в то время вдова по имени Хадиджа, происходившая из племени курайш. Она уже дважды была замужем. Второй муж ее, зажиточный купец, только что умер, и обширные дела его торгового дома требовали руководителя. Племянник вдовы, по имени Чузима, познакомился с Магометом во время его торговых путешествий и заметил, с какою ловкостью и добросовестностью тот исполнял все свои обязанности. Он рекомендовал его тетке как человека, вполне пригодного для управления ее делами. Внешность Магомета сильно помогла этой рекомендации: ему было в это время около двадцати пяти лет, и арабские писатели с восторгом отзываются о его красоте и приятных манерах. Хадидже так захотелось воспользоваться его услугами, что она предложила ему двойную плату за управление караваном, который был наготове к отправке в Сирию. Магомет посоветовался со своим дядей Абу Талибом и с его согласия принял предложение. Помощниками, сопровождавшими его в этой экспедиции, были племянник вдовы и раб ее Майсара. Хадиджа до такой степени осталась довольна безукоризненно выполненным поручением, что по возвращении Магомета уплатила ему вдвое больше против обещанной суммы. Впоследствии она посылала его в южные части Аравии и всегда оставалась вполне им довольна.

Сорокалетняя Хадиджа была женщина благоразумная и опытная. Она все больше и больше проникалась уважением к умственным способностям Магомета, а кроме того, и сердце ее все больше и больше пленялось молодым и красивым юношей. По арабским легендам, совершившееся чудо укрепило и освятило цель ее стремлений. Однажды в полдень она находилась со служанками своими на плоской крыше своего дома и поджидала возвращения каравана, предводительствуемого Магометом. При его приближении она была поражена, увидев, что два ангела осеняли его крылами, защищая от солнца. Взволнованная, она,

обратилась к служанкам: «Взгляните, – сказала она, – вот любимец Аллаха, пославшего двух ангелов для его охранения!».

Легенда ничего не говорит о том, так же ли благоговейно глядели и служанки, как их госпожа, на шедшего Магомета и видели ли и они двух ангелов; но дело в том, что вдова прониклась живой верой в сверхчеловеческие качества своего молодого управителя и тут же уполномочила своего верного раба Майсару предложить Магомету жениться на ней. О сватовстве рассказывается безыскусно, просто и кратко. «Почему бы тебе не жениться, Магомет?» – спросил Майсара. «У меня нет средств», – отвечал Магомет. «А если бы тебе сделала предложение богатая женщина, да к тому же красивая и знатная?» – «Кто же это?» – «Хадиджа!» – «Да этого быть не может!» – «Я это устрою», – сказал Майсара и, вернувшись к госпоже, передал ей весь разговор. Назначен был час их свидания, и дело прекрасно уладилось с той же быстротой и рассудительностью, какими отличался Магомет в своих отношениях ко вдове. Отец Хадиджи несколько воспротивился этому браку ввиду бедности Магомета, разделяя общее мнение, что богатство должно присоединиться к богатству; но вдова мудро считала свое богатство только средством, дающим ей возможность следовать влечению своего сердца. Она устроила большой пир, на который были приглашены ее отец и другие родственники, дяди Магомета – Абу Талиб Гамза и многие другие курайшиты. Вино на этом пиру лилось в изобилии, и вскоре воцарилось всеобщее веселье. Бедность Магомета как препятствие к браку была забыта; за предстоящее бракосочетание говорили речи Абу Талиб с одной стороны и родственник Хадиджи, Барака, – с другой; вопрос о приданом был улажен, и брак был заключен формально.

Затем Магомет распорядился, чтобы у дверей его был убит верблюд и мясо его роздано бедным. Двери дома его были открыты для всех; рабыни Хадиджи танцевали под звуки тамбуринов, и шумное веселье и радость царили всюду. Абу Талиб, забыв свои лета и обычную меланхолию, также отдался веселью по этому случаю. Он внес чистыми деньгами из своего кошелька сумму, равноценную двадцати молодым верблюдам. Халема, кормилица Магомета, была приглашена на его свадьбу и получила в дар сорок овец, с которыми и вернулась, обогащенная и радостная, на родину, в долину саадитской пустыни.

Глава шестая

Жизнь Магомета после свадьбы. Он стремится к религиозной реформе. Его расположение к религиозным размышлениям. Видение в пещере. Провозглашение себя пророком.

Брак с Хадиджей дал Магомету возможность занять место среди самых богатых людей своего города. Благодаря также нравственным своим качествам он имел огромное влияние на общество. Аллах, говорит историк Абульфеда, наградил его всеми дарами, какие нужны для совершенства и украшения честного человека; он был так чист и искренен, так далек от дурной мысли, что его больше знали под именем ал-Амин, то есть верный.

Вследствие необыкновенного доверия к его здравому смыслу и к честности сограждане часто в своих распрях обращались к его посредничеству. Существует анекдот, обрисовывающий мудрость, проявляемую им в подобных случаях.

Кааба, поврежденная огнем, потребовала восстановления, для чего священный «черный камень» нужно было переместить. Тут возник спор между начальниками разных племен из-за вопроса, кому из них принадлежит право выполнить такую священную обязанность, и они постановили, что решить это должен тот, кто первый войдет в ворота аль-Харамы. Случилось, что первым вошел Магомет. Выслушав их различные претензии, он распорядился, чтобы на землю был постлан большой ковер и на него положен камень и чтобы по одному человеку из каждого племени взялись за края этого ковра. Таким образом, священный камень был приподнят одинаково и одновременно всеми до уровня предназначенного ему места, куда уже собственноручно положил его Магомет.

У Магомета и Хадиджи родились четыре дочери и два сына. Старшего сына назвали аль-Касим, почему и Магомет, согласно арабскому обычаю, назывался Абу аль-Касим, или отец Касима. Сын этот, как и другой, умер еще в детстве.

В течение многих лет после женитьбы Магомет не бросал торговли, посещая большие арабские ярмарки и совершая дальние путешествия с караванами. Экспедиции эти, однако, не были уже так выгодны, как в былые дни его предводительства, так что состояние, взятое им за женой, не росло, а скорее уменьшалось. Но богатство это избавило его от необходимости трудиться ради обеспечения своего существования и дало ему досуг для удовлетворения природного влечения его ума к мечтам и религиозным размышлениям, которое обнаруживалось с самого раннего детства. Оно, как мы видели, росло во время путешествий благодаря общению с евреями и христианами, вначале бежавшими сюда от преследований, но потом соединившимися в целые племена или составлявшими часть населения городов. И арабские пустыни, очевидно, полные фантастических суеверий, тоже давали пищу его восторженным мечтам. Со времени его брака с Хадиджей на его религиозные мнения влиял также его домашний оракул Барака, двоюродный брат Хадиджи, человек пытливого ума и неопределенной веры. Сначала он был иудеем, потом христианином, в то же время интересовался астрологией. Он достоин упоминания, потому что первым перевел на арабский язык часть Ветхого и Нового Заветов. Предполагают, что и Магомет заимствовал у него сведения об этих священных книгах, как и о преданиях Мишны и Талмуда, из которых он так много почерпнул для Корана.

Знания, полученные из таких разных источников и удержанные его превосходной памятью, шли в разрез с господствовавшим в Аравии идолопоклонством, которое практиковалось и в Каабе. Это священное здание постепенно наполнялось и окружалось идолами, число которых дошло наконец до трехсот шестидесяти, так что приходилось по одному идолу на каждый день арабского года. Сюда с разных мест свозились идолы, божества других народов, из которых главный, Хобал, был доставлен из Сирии и имел, как предполага-

лось, власть вызывать дождь. Среди этих идолов были также Авраам и Измаил, почитаемые раньше как пророки и праотцы, теперь же изображенные с волшебными стрелами в руках – символами их магической власти. Магомет все больше и больше убеждался в грубости и нелепости идолопоклонства, по мере того как он в своем развитом уме сопоставлял его с теми духовными религиями, которые он наиболее изучал. В различных местах Корана ясно проглядывает господствующая идея, которая постепенно возникала в его уме, пока на ней, наконец, не сосредоточились все его помыслы и она не стала главной руководительницей всех его дел. Идеей этой была религиозная реформа. Из всех своих знаний и размышлений он почерпнул непоколебимую уверенность, что единственная истинная вера, возвещенная Адаму при сотворении его, познавалась и исповедовалась до грехопадения. Религия эта состояла в прямом и духовном поклонении единому истинному Богу, Творцу неба и земли.

Далее он признавал, что эта возвышенная и простая вера неоднократно искажалась и унижалась людьми, и главным образом в идолопоклонстве; поэтому ряд пророков, вдохновленных откровением Всевышнего, время от времени, через длинные промежутки, ниспосылался для восстановления этой религии в ее первоначальной чистоте. Таковы были Ной, Авраам, Моисей, таков был и Иисус Христос. Каждым из них истинная религия была возрождаема на земле, но затем снова искажалась последующими поколениями. Вера, которую проповедовал и исповедовал Авраам, прибыв из Халдеи, стала, по-видимому, для Магомета образцом религии, так как он очень чтил этого патриарха как отца Измаила, родоначальника его племени.

Магомету казалось, что время для новой реформы снова настало. Мир еще раз впал в слепое идолопоклонство.

Неизбежно требовалось пришествие нового пророка, ниспосылаемого, чтобы возвратить заблудших сынов человеческих на путь истины и восстановить поклонение Каабе, каким оно было во времена Авраама и патриархов. Вероятность пришествия такого пророка и мысль о тех преобразованиях, которые он должен произвести, по-видимому, не выходили у него из ума и все более развивали в нем привычку к созерцательной жизни и к размышлениям, несовместимым с обычными житейскими заботами и с мирскою суетою. Передают, что он будто бы мало-помалу начал избегать общества и искать одиночества в пещере на горе Хира, мили на три севернее Мекки, где, подражая христианским пустынникам, проводил дни и ночи в молитве и размышлениях. Таким же образом проводил он всегда и священный месяц арабов – рамадан. Упорная работа мысли над одним и тем же вопросом, сопровождаемая лихорадочным подъемом духа, не могла не иметь сильного влияния на его организм: у него начались видения, галлюцинации, припадки исступления. По словам одного из его биографов, он в течение полугода постоянно видел сны, касавшиеся предмета его дум во время бодрствования. Часто он совсем переставал сознавать окружающее и лежал на земле в состоянии полного бесчувствия. Хадиджа, как верная супруга, разделявшая с ним иногда его уединение, с великой заботливостью относилась к нему и умоляла его открыть ей причину их; но он или избегал ее вопросов, или отвечал непонятно для нее. Некоторые из его противников приписывали эти припадки эпилепсии, но набожные мусульмане провозгласили их действием пророческой силы; потому что, говорили они, указания Всевышнего уже проникали в его душу, и он перерабатывал идеи, слишком возвышенные для человеческого ума. Наконец, говорили они, то, что раньше виделось ему смутно и только в грезах, стало ясным и очевидным после явления ангела и божественного откровения.

Магомету было сорок лет, когда он получил это замечательное откровение. Мусульманские писатели повествуют так, как будто слышали его из уст самого пророка; и в Коране также упоминается об этом событии. Магомет проводил, по своему обыкновению, месяц рамадан в пещере горы Хира, стремясь постом, молитвами и уединенными размышлениями возвысить свои мысли до понимания божественной истины. Настала ночь, называемая ара-

бами ал-кадер, то есть ночь Божественного повеления; в эту ночь, согласно Корану, ангелы нисходят на землю и Гавриил возвещает повеления Бога; мир царит на земле, и священный покой воцаряется во всей природе до наступления утра.

Бодрствуя среди ночного безмолвия, укутавшись в плащ, Магомет услышал голос, зовущий его; когда он приподнял голову, то его озарил поток света невыносимого блеска, и он увидал ангела в образе человека, который, приближаясь к нему, развернул исписанный шелковый свиток. «Читай!» – сказал ему ангел. «Я не умею читать!» – ответил Магомет. «Читай, – повторил ангел, – во имя Бога, сотворившего Вселенную, создавшего человека из сгустка крови. Читай во имя Всевышнего, научившего человека пользоваться пером, озаряющего его душу лучом знания и открывающего ему то, чего он раньше не знал».

Тут Магомет почувствовал, что сознание его озарилось божественным светом, и он прочел написанные на свитке повеления Бога, как они впоследствии для всеобщего сведения изложены были им в Коране.

Когда он окончил чтение, посланник неба воскликнул: «Ты, Магомет, воистину пророк Бога, а я его ангел, Гавриил!».

Магомет, дрожащий и взволнованный, пришел утром к Хадидже, не зная, правда ли то, что он видел и слышал, и верно ли, что он пророк, которому велено осуществить преобразование – предмет его долгих размышлений, или же все это было просто видением, обманом чувств, может быть, даже хуже того – обманом злого духа.

Но Хадиджа смотрела на все доверчиво, глазами верующей и любящей женщины. В том, что произошло, она видела исполнение желаний мужа и надеялась, что после этого кончатся его припадки и мучения. «Радостную весть принес ты мне! – воскликнула она. – Клянусь именем Того, в чьих руках находится душа Хадиджи, что с этих пор я буду считать тебя пророком нашего народа. Радуйся, – прибавила она, видя, что он еще мрачен, – Аллах не потерпит, чтобы это послужило к твоему позору. Разве ты не любил родных, разве не был добр к соседям, милосерд к бедным, гостеприимен к странникам, верен своему слову? Разве ты не был постоянным защитником истины?».

Хадиджа поспешила сообщить о всем слышанном двоюродному брату своему Бараку, переводчику Священного Писания, который, как мы уже видели, являлся в вопросах религии домашним оракулом Магомета. Он сразу со свойственным ему пылом увлекся этим чудесным видением. «Клянусь именем Того, в чьих руках душа Барака, – воскликнул он, – что ты говоришь правду, о Хадиджа! Ангел, являвшийся твоему мужу, – тот самый, который в былое время был послан к Моисею, сыну Амрама. Эта весть истинна. Муж твой действительно пророк!».

Говорят, что горячая уверенность ученого Барака сильно укрепила все еще колебавшийся ум Магомета.

Примечание. Доктор Густав Вейль в одном из примечаний в своей книге «Mohammet der Prophet…» рассматривает вопрос о том, был ли Магомет эпилептиком, что вообще считалось клеветой его врагов и христианских писателей; но, кажется, болезнь эта была подтверждена некоторыми древнейшими мусульманскими биографами на основании свидетельства близких пророку людей.

По их словам, у него иногда внезапно появлялась сильнейшая дрожь, за которой следовало нечто вроде обморока или, вернее, конвульсий, причем со лба его струился пот даже в самую холодную погоду; в это время он лежал с закрытыми глазами, с пеной у рта и ревел, как молодой верблюд. Одна из его жен, Аиша, и один из его учеников, Зайд, приводятся как очевидцы его припадков. Они считали, что в это время он находился под воздействием откровения. Но подобные припадки, однако, случались с ним и в Мекке, до откровения о Коране. Хадиджа со страхом думала, что он одержим лихим духом, и хотела позвать заклинателя, чтобы изгнать беса, но Магомет воспротивился этому. Он не любил, чтобы были сви-

детели этих припадков. Харет ибн Хашим, говорят, как-то раз спросил его, какими путями получает он откровения. «Часто, – ответил он, – ангел является мне в образе человека и говорит со мной. Иногда я слышу звуки, похожие на звон колокола, но не вижу ничего. (Звон в ушах – симптом эпилепсии.) Когда невидимый ангел удаляется, у меня остается данное им мне откровение». Некоторые из этих откровений он считал полученными прямо от Бога, другие же – через сновидения. Сны пророков, по его словам, тоже откровения.

Читатель найдет, вероятно, это замечание полезным как освещающее до некоторой степени загадочную деятельность этого замечательного человека.

Глава седьмая

Магомет тайно передает другим свое учение и постепенно получает новые откровения. Возвещает их своим родным. Как последние отнеслись к ним. Восторженная преданность Али. Дурные предзнаменования христиан.

В течение некоторого времени Магомет поверял свои откровения только своим домашним. Одним из первых, открыто заявившим себя его последователем, был Зайд, его слуга-араб из племени калб. Этот юноша был в детстве взят в плен шайкой вооруженных курайшитов и путем покупки или по жребию перешел в собственность к Магомету. Через несколько лет отец его, услыхав, что он в Мекке, отправился туда и предложил в выкуп за него значительную сумму денег. «Если он предпочтет отправиться с тобой, – сказал Магомет, – то пусть идет без выкупа, если же он сочтет лучшим остаться со мной, то как же мне не согласиться на это?». Зайд предпочел остаться на том основании, говорил он, что к нему относятся не как к рабу, а скорее как к сыну. Вследствие этого Магомет публично усыновил его, и с тех пор он оставался при нем в качестве преданного слуги. Теперь, обратившись в новую веру, он получил полную свободу, но из дальнейшего рассказа мы увидим, что он на всю жизнь сохранил благоговейную привязанность к Магомету, который, по-видимому, имел особый дар внушать ее своим последователям и подчиненным.

Первые шаги Магомета в качестве пророка делались боязливо и тайно. Вражда, неприязненные действия грозили ему со всех сторон от близких родственников курайшитов из рода Хашима, все могущество и благоденствие которых зависело от идолопоклонства, а еще больше от соперничествовавшего рода Абд Шима, с давних пор смотревшего завистливо и подозрительно на хашимитов и который с величайшей радостью провозгласил бы их еретиками и беззаконниками, чтобы устранить их от должности охранителей Каабы. Во главе этой соперничествующей линии курайшитов стоял Абу Софиан, сын Харба, внук Омейя и правнук Абд Шима. Это был человек даровитый и властолюбивый, очень богатый и влиятельный, ставший позднее одним из наиболее упорных и сильных противников Магомета[7].

При таком неблагоприятном положении дела распространение новой веры шло тайно и медленно, так что в первые три года обращенных было не более сорока человек, преимущественно из среды людей молодых, иностранцев и рабов. Собрания для молитв устраивались тайно или у кого-нибудь из посвященных, или в пещере недалеко от Мекки. Но и тайна не предохранила их от неприятности. Собрания их были открыты; в пещеру ворвалась толпа, и последовала свалка. Один из нападавших был ранен в голову Соадом, оружейником, который после этого стал известен среди правоверных как первый проливший кровь во славу ислама.

Одним из жесточайших противников Магомета был его дядя Абу Лахаб, человек богатый, надменный и вспыльчивый. Сын его, Ота, был женат на Рукайе, дочери Магомета, так что они были в двойном родстве. Абу Лахаб был, однако, в родстве и с враждебной линией курайшитов, так как сам он был женат на Ом-Джемили, сестре Абу Софиана, и находился под сильным влиянием жены и зятя. Он относился неодобрительно к тому, что он называл ересью племянника, находя, что она покроет позором ближайшую родственную линию и навлечет на нее вражду остальных курайшитов. Магомет принимал близко к сердцу злобное противодействие дяди и приписывал все внушению жены его, Ом-Джемили.

---

[7] Нибур (Travels. V. II) говорит, что племя харб владело многочисленными городами и селами в горах Хиджаза, между Меккой и Мединой. Замки их были на отвесных скалах; они разоряли караваны и налагали на них контрибуцию. Полагают, что племя это получило название по отцу Абу Софиана, а многочисленный род Омейядов – по деду его.

Преимущественно же его печалила эта враждебность потому, что он видел, как она дурно отражалась на счастье его дочери Рукайи, влечение которой к его учению вынуждало ее терпеть упреки со стороны мужа и его семьи.

Эти и другие причины различных неприятностей угнетали и усиливали болезненное настроение его ума. Он ослаб, сделался угрюм и все более и более стремился к уединенным размышлениям. Те родные, которые любили его, замечая эту перемену, боялись, чтобы он не заболел; другие же относились к нему насмешливо и находили у него помрачение ума; и во главе последних стояла Ом-Джемиль, жена его дяди, сестра Абу Софиана.

Результатом такого расстроенного состояния ума и тела было другое видение или откровение, которое повелевало ему «проповедовать и прославлять Господа». Теперь ему предстояло смело и открыто провозгласить свое учение, и прежде всего своему роду и племени. Для этого на четвертом году своего так называемого посланничества он созвал всех курайшитов из рода Хашима сойтись на холме Сафа, близ Мекки, обещая сообщить им вести, очень важные для их благополучия. По этому приглашению все собрались в назначенное место; в числе их находился и враждебный ему дядя Абу Лахаб с Ом-Джемилью, насмешницей-женой своей. Лишь только пророк заговорил о своей миссии и сообщил о своих откровениях, как Абу Лахаб в бешенстве вскочил со своего места, стал поносить его за то, что он собрал их из-за таких пустяков, и, схватив камень, намеревался запустить его в Магомета. Но пророк бросил на него гневный взгляд, проклял руку, поднявшуюся с угрозой, и предсказал ему гибель в геенне огненной, причем с уверенностью прибавил, что жена его, Ом-Джемиль, сама принесет пучок терну, чтоб разжечь этот огонь.

Собрание разошлось в смущении. Абу Лахаб и жена его, взбешенные за призванное на них проклятие, заставили сына своего, Оту, развестись с женой Рукайей и отослать ее, рыдающую, обратно к Магомету. Впрочем, она скоро утешилась, выйдя замуж за правоверного Османа ибн аль-Аффана, ревностного ученика Магомета.

Нимало не унывая из-за своей первой неудачной попытки, Магомет созвал второе собрание хашимитов в своем собственном доме, где, угостив их бараниной и молоком, подробно возвестил им полученные с неба откровения и божественное повеление сообщить их своим близким родственникам. «О дети Абд аль-Мутталиба, – воскликнул он восторженно, – вам, предпочтительно пред другими людьми, Аллах даровал эти самые драгоценные дары! От имени Его я предлагаю вам блаженство в этом мире и бесконечные радости в будущем. Кто из вас хочет разделить со мной предлагаемое бремя? Кто хочет быть моим братом, моим заместителем, моим визирем?».

Все оставались безмолвными; некоторые удивлялись, другие улыбались недоверчиво и презрительно. Наконец, вышел порывисто Али и с юношеским энтузиазмом предложил себя к услугам пророка, скромно указав при этом на свою молодость и телесную немощь[8]. Магомет обнял великодушного юношу и прижал к своему сердцу. «Смотрите! Вот мой брат, мой визирь и мой наместник! – воскликнул он. – Пусть все внимают его словам и повинуются ему!».

Но порыв такого юноши, как Али, встречен был взрывом презрительного хохота со стороны курайшитов, и они принялись подтрунивать над Абу Талибом, отцом молодого новообращенного, говоря, что он должен падать теперь ниц перед сыном и повиноваться ему.

Хотя учение Магомета и было злобно отвергнуто его родственниками и друзьями, оно нашло понимание среди народа, а главным образом среди женщин, всегда готовых сочувствовать тому, кто подвергается преследованию. Многие евреи также интересовались им некоторое время, но, узнав, что он позволяет ученикам своим есть мясо верблюдов и других

[8] По ошибке переводчиков выходило, будто Али после предложения своих услуг стал нелепо угрожать всем, кто будет противодействовать пророку.

животных, не дозволенных их законом, они отвернулись от него и признали его веру нечистой.

Теперь Магомет, отбросив всякую осторожность или, вернее, проникаясь все большей восторженностью, ходил всюду, открыто и ревностно проповедуя свое учение и выдавая себя за пророка, посланного Богом с целью уничтожить идолопоклонство и смягчить суровость еврейского и христианского законов. Холмы Сафа и Кубеис, освященные преданиями об Агари и Измаиле, были его любимыми местами проповеди, а гора Хира была его Синаем, куда он в порывах возбуждения и восторга иногда удалялся и, пробыв несколько времени в уединенной пещере, появлялся с новыми откровениями Корана.

Добрые древние христианские писатели, обсуждая появление Магомета, которого называют арабом, врагом церкви, приводят суеверные рассказы о различных чудесах, совершившихся около того времени, – страшных предвестниках смут, готовых взволновать мир. В Константинополе, этой столице христианской империи того времени, явилось много уродов и страшных видений, вселявших ужас в сердца очевидцев. Во время некоторых религиозных процессий по окрестностям кресты внезапно начинали сами двигаться и сильно колебаться, приводя присутствующих в ужас и изумление. Нил – древняя мать чудес – родил двух уродов, не то мужчин, не то женщин, которые, выйдя из его вод, несколько времени страшно оглядывались кругом и потом снова скрылись в волнах. В течение целого дня солнце казалось уменьшенным на треть против обыкновенной величины и бросало бледные, печальные лучи. В одну темную, безлунную ночь адский огонь ярким светом озарил небо, по которому сверкали кровавые копья.

Все эти и многие другие подобные чудеса объяснялись как предвестники приближающихся бедствий. Старые служители Бога мрачно качали головами, предсказывая наступление царства Антихриста, великих гонений на христиан и разорение церквей; а святые люди, испытавшие на своем веку немало гонений и волнений из-за веры, прибавляет высокочтимый отец Хайме-Бледа, получили свыше дар понимания и объяснения этих таинственных явлений, предвещавших различные невзгоды для церкви; их можно уподобить опытным морякам, которые по состоянию воздуха, неба и моря узнают о приближении бури, грозящей разбить их корабль.

Многие из этих святых собирались прославить Бога, прежде чем исполнятся их пророчества, и уже с высот небес смотреть с состраданием на смуты в христианском мире, подобно людям, которые, стоя на безоблачных высотах гор, смотрят вниз на бури, бушующие на земле и на море, потопляющие большие корабли и разрушающие высокие башни.

Глава восьмая

Очерк магометанской веры.

Хотя мы и не имеем здесь в виду подробно изучать учение, проповедуемое Магометом, нам необходимо, однако, рассмотреть его в главных чертах для верной оценки характера и деятельности Магомета и тех событий и обстоятельств, о которых дальше пойдет речь.

Нужно, главным образом, помнить, что Магомет не объявлял открыто, что он основывает новую религию, а считал, что только возрождает веру, полученную людьми в очень давние времена непосредственно от Самого Бога. «Мы следуем, – говорится в Коране, – религии правоверного Авраама, не бывшего идолопоклонником. Мы верим в Бога и в то, что ниспослано нам и было ниспослано Аврааму и Измаилу, Исааку и Иакову и племенам их; верим в то, что было даровано от Господа Моисею и Христу и другим пророкам. Мы не делаем различия между ними и покоряемся Богу»[9]. Коран[10] – великая книга, излагающая его веру, – появлялся не вдруг, а по частям, смотря по требованию обстоятельств и по степени возбуждения его чувств. Он выдавал его не за собственное творение, а за Божественное откровение, за слово Самого Бога. Во всем Коране говорит как бы Само Божество. «Мы ниспослали тебе книгу истины, подтверждающую ее во всей чистоте»[11].

Закон Моисея, говорит он, был одно время правилом, руководящим жизнью людей. С пришествием Христа он заменен Евангелием, а последнее, в свою очередь, должно уступить свое место Корану, который более полон, точен и ясен, чем предыдущие законы, и имеет в виду исправить те искажения, которые вошли в них по небрежности или по испорченности их последователей. Это уже восполнение закона; после него не будет больше Божественных откровений. Магомет – последний и величайший из ряда пророков, посылаемых для возвещения воли Бога.

Единство Бога было краеугольным камнем этой исправленной религии. «Нет Бога кроме Бога» – вот главный ее догмат. Отсюда и название религии «ислам»[12] – арабское слово, означающее покорность Богу. К этому руководящему догмату прибавлено: «Магомет – Божий пророк», что, как утверждали, узаконено Божественным возвещением и важно для того, чтобы откровения охотно принимались.

Наряду с единством Бога внушается вера в ангелов, или служебных духов, в пророков Божиих, в телесное воскресение, в награду и возмездие в будущей жизни и в предопределение. Многое в Коране заимствовано из Библии, Мишны и Талмуда[13], в особенности же

---

[9] Коран, гл. II.

[10] Происходит от арабского слова «кора», что значит читать или учить.

[11] Коран, гл. V.

[12] Некоторые этимологи производят «ислам» от слова «салм» или «аслама», что значит спасение. Христиане превратили его в исламизм, а евреи заменили исламизм измаилизмом, как бы в упрек, намекая этим на происхождение арабов от измаилитов.От слова «ислам» арабы произвели слова *Moslem* или *Muslem* и *Musulman*, т. е. исповедующий веру ислама. Это в единственном числе, в двойственном же будет *Muslimaninnan*, а во множественном – *Muslimen*. Французы, как и некоторые другие нации, следуя законам своего языка, при заимствовании и переводе арабских терминов производят множественное число прибавлением буквы s, так что пишут *Musulman* в един., и *Musulmans* во множест. Некоторые английские писатели, и во главе их Гиббон, подражают им, воображая, что следуют арабскому правописанию; но большинство англичан подчиняются особенностям своего языка и пишут *Moslem* един., а *Moslems* множ., *Musulman* един, и *Musulmen* множ., что выходит благозвучнее.

[13] Мишна евреев, так же как и Сунна магометан, есть собрание преданий, составляющих устный закон. Предания эти собраны во II столетии, в царствование Антонина Пия, императора римского, Иудой Хакко-дишем, ученым еврейским раввином.Иерусалимский Талмуд и Вавилонский Талмуд являются комментариями к Мишне. Первый был составлен в Иерусалиме около трехсот лет после Христа, а второй – в Вавилоне почти двумя столетиями позднее. Мишна – самый древний еврейский сборник, не считая Библии.

дикие, хотя подчас и прекрасные предания об ангелах, пророках, патриархах, злых и добрых джиннах. Магомет в детстве проникся уважением к еврейской вере, так как его мать, как предполагают, исповедовала эту религию.

Система, лежащая в основе Корана, опирается главным образом на христианское учение Нового Завета в том виде, как его усвоил Магомет, беседуя с христианскими еретиками в Аравии. Спаситель наш чтится высоко, как боговдохновенный пророк, величайший из всех посланных раньше Магомета для исправления закона; но всякая мысль о его божественности была отвергнута как нечестивая, а учение о Троице было объявлено посягательством на единство Бога. И то и другое признано ошибочными или умышленными вставками толкователей; и мнение это, как увидим, разделяли и некоторые арабские христианские секты.

Поклонение святым, иконам и картинам, их изображающим, отвергалось как уклонение от чистой христианской веры в сторону идолопоклонства, и таковы, как известно, были взгляды несториан, с которыми Магомет, как мы видели, был коротко знаком.

Всякая живопись, изображающая живые существа, запрещалась. Магомет любил повторять, что ангелы не входят в дом, где имеются подобные изображения, а людей, рисующих их, они обяжут в будущем мире под страхом наказания найти душу для своих картин.

Большая часть христианских заповедей милосердия введена в Коран. Раздавание милостыни повелевается как положительная обязанность, а непреложный закон справедливости – «поступай с другими так, как хочешь, чтобы и с тобой поступали» – предписан как нравственный долг для правоверных.

«Не поступай несправедливо с другими, – говорит Коран, – и никто с тобой не поступит несправедливо. Если должнику трудно уплатить долг, то кредитор должен ждать, пока ему будет легко, а лучше всего, если он обратит такой долг в милостыню».

Магомет проповедует благородную честность и искренность в поступках. «О купцы! – говаривал он. – Ложь и обман сродни торговле; очищайте же ее милостыней, отдавайте сколько-нибудь на дела милосердия, как бы в искупление; потому что Бога гневит обман, а милостыня смягчает Его гнев. Продающий негодную вещь и скрывающий ее недостатки вызывает гнев Божий и проклятие ангелов».

«Не пользуйтесь нуждою другого, чтобы купить у него за бесценок; лучше избавить его от нищеты».

«Накорми голодного, посети больного и освободи заключенного, если он неповинен».

«Не смотри гневно на ближнего и не ходи по земле нахально, потому что Бог не любит гордых и тщеславных. Ходи скромно и не возвышай голоса, потому что самый неблагодарный из всех голосов есть голос осла»[14].

Всякого рода идолопоклонство было положительно запрещено; и действительно, Магомет относился к нему с величайшим отвращением. Много, однако, религиозных обрядов с незапамятных времен укоренилось у арабов, к которым и сам он привык с детства; они были несовместимы с учением о единстве Бога и были все-таки удержаны. Таковы были путешествия в Мекку, и все обряды, сопряженные с почитанием Каабы, посещение колодца

[14] Следующие слова Магомета, сохраненные, как сокровище, одним из учеников его, очевидно, были внушены ему одним местом Евангелия от Матфея, 25:35–45:«Воистину, в день воскресения скажет Господь: „О сыны Адамовы! Я был болен и вы не посетили Меня“. И они ответят: „Как могли мы посетить Тебя? Ведь Ты властитель мира и болезнь не касается Тебя“. И Бог скажет: „Разве вы не знали, что один из служителей Моих был болен, а вы не посетили его! Если бы вы сделали это для него, вам бы зачлось это, как праведное дело“. И Бог скажет: „О сыны Адамовы! Я просил у вас пищи, вы не дали Мне!“ И сыны Адамовы скажут: „Как могли мы накормить Тебя, зная, что Ты Вседержитель мира и не можешь ведать голода?“ И Бог скажет: „Один из жителей Моих просил у вас хлеба, и вы не дали ему. Если бы вы накормили его, то получили бы от Меня награду“. И скажет Бог: „О сыны Адамовы! Я воды просил у вас, и вы Мне не дали ее“. Они ответят: „О Покровитель наш! Могли ли мы дать воды, видя, что Ты Властитель мира и жаждать не можешь?“ И скажет Бог: „Один из служителей Моих просил у вас воды, и вы не дали ему. Если бы вы напоили его, то получили бы награду от Меня“».

Земзем и других окрестных святых мест, причем все-таки не допускалось никакого поклонения идолам, что считалось за богохульство.

Древний арабский молитвенный обряд омовения, сопровождающий молитву или, скорее, предшествующий ей, был сохранен.

Молиться повелевалось в определенные часы дня и ночи; молитвы были составлены просто и обращены прямо к Богу, причем, когда требовались поклоны, а иногда и падение ниц, правоверные обращались к кибле, то есть месту поклонения.

После каждой молитвы читался следующий стих из второй части Корана. Говорят, что в арабском оригинале он чрезвычайно хорош; его вырезают на золотых и серебряных украшениях и на драгоценных камнях и носят как амулет. «Боже! Нет иного Бога, кроме Его, живого, вечно живущего, не спящего и не дремлющего. Ему принадлежат небеса и земля и все, что на них есть. Кто может предстать пред Ним без Его воли? Он ведает прошедшее и будущее, но никому не доступны Его знания, кроме тех, которые Он открывает. Он царит над небом и землей, и управлять ими не трудно Ему. Он Всевышний, Всемогущий».

Магомет настойчиво выставлял на вид важность и силу молитвы. «Ангелы, – говорил он, – одни днем, другие ночью, постоянно пребывают среди вас; когда ночные ангелы возвращаются на небо, Бог спрашивает их, в каком положении они оставили его создания. “Мы нашли и оставили их молящимися”, – ответят они».

Учение Корана относительно воскресения мертвых и Страшного суда до некоторой степени сходно с учением христианской религии, но к нему примешаны дикие понятия, заимствованные из других источников. Таким образом, к духовным блаженствам мусульманского рая примешаны земные, чувственные, вследствие чего они являются много ниже неисповедимой чистоты духовного небесного блаженства, обещанного нашим Спасителем.

Однако описание последнего дня в восемьдесят первой главе Корана, данное Магометом, вероятно, в начале своего посланничества в Мекку, не лишено величия.

«Именем милосердного Бога! Наступит день, когда исчезнет солнце и звезды спадут с неба,

Когда самка верблюда, готовая родить, будет оставлена без призора, и когда дикие звери со страху соберутся все вместе,

Когда поднимутся волны океана и души умерших соединятся с телами своими,

Когда девочка-ребенок, погребенная заживо, спросит, за какое преступление принесена она в жертву,

Когда книги вечности будут раскрыты,

Когда небеса исчезнут, как бумажные свитки; когда ад яростно запылает и явны станут блаженства рая,

В этот день откроются все дела каждой души,

Воистину, клянусь звездами, быстро несущимися и мерцающими при солнечном блеске, клянусь мраком ночи и рассветом дня, что слова эти не от злого духа, но от ангела, властного и достойного, которому доверяет Аллах и которого чтут другие, подвластные ему ангелы; клянусь, что собрат ваш, Магомет, не безумен. Он видел посланника небес при свете ясного дня, и ему открыты были слова увещевания для всех тварей».

Примечание. Чтобы дать понятие о той путанице учений, из которых Магомету пришлось заимствовать свои сведения о христианской вере, мы изложим здесь главные спорные пункты различных сект восточных христиан, о которых упомянуто в предыдущей главе; все они были признаны еретическими или схизматическими.

Савелиане, получившие это название от ливийского священника Савелия, жившего в III столетии, верили в единство Бога; Троица же, по их мнению, выражает только три раз-

личных состояния или отношения; Отец, Сын и Святой Дух составляют одно существо, как человек, состоящий из души и тела.

Ариане, последователи Ария, священника александрийского, жившего в IV столетии, хотя и утверждали, что Христос – Сын Божий, но считали Его не подобным Богу, а ниже Его; Духа же Святого за Бога совсем не признавали.

Несториане – от Нестория, епископа константинопольского, жившего в V веке, – утверждали, что Христос имеет два различных естества: Божеское и человеческое; что Мария была Его Матерью только как человека и что нехорошо называть Ее Богоматерью, как это принято церковью.

Монофизиты признавали в Иисусе Христе только одно естество, на что указывает и их название. Они утверждали, что в Нем Божеское и человеческое так смешано и слито, что составляют одно естество.

Евтихиане – от Евтихия, игумена константинопольского монастыря, жившего в V столетии, – были ветвью монофизитов, вполне противоположною несторианам. Они отрицали двойственное естество Иисуса Христа, признавая, что Он был только Бог до воплощения и только человек во время воплощения.

Иаковиты – от Иакова, епископа эдесского в Сирии, жившего в VI столетии, – составляли многочисленную ветвь монофизитов, незначительно отличавшуюся от евтихиан. Большая часть христианских племен Аравии были иаковитами.

Мариамиты, или почитатели Девы Марии, считали, что Троица состоит из Бога Отца, Бога Сына и Бога Девы Марии.

Коллиридианки – секта арабских христиан, состоявшая главным образом из женщин. Они поклонялись Пресвятой Деве как Божеству и приносили Ей хлебные лепешки, называемые коллири; отсюда произошло и название их.

Назареяне – секта еврейских христиан. Они считали Иисуса Христа Мессией, родившимся от Девы и Святого Духа и обладавшим в известной мере божественным естеством; но во всем остальном они не отступали от Моисеева закона.

Эбиониты – от Эбиона, обращенного еврея, жившего в I столетии, – были тоже сектой иудействующих христиан, немного отличавшейся от назареян. Они признавали Иисуса Христа чистейшим человеком, величайшим из пророков, но отрицали Его существование раньше рождения от Девы Марии. Эта секта, так же как и секта назареян, имела много последователей в Аравии.

Достаточно кратко перечислить и другие секты: коринфиан, маронитов и марсионитов, названных так в честь своих ученых вождей; кроме того, были докеты и гностики, подразделявшиеся на различные мелкие толки. Некоторые из них признавали, что чистота Девы Марии не была нарушена, что зачатие и роды совершились без нарушения Ее девства, подобно тому как световые лучи передаются сквозь оконное стекло. Мнения этого и теперь ревностно придерживаются испанские католики.

Большинство докетов утверждало, что естество Иисуса Христа было вполне божественно и что только призрак, форму без субстанции, распяли заблуждавшиеся евреи; что распятие и воскресение были тоже ложными мистическими представлениями, совершенными для блага человечества.

Карпократиане, базилиане и валентиниане, названные именами трех египетских полемических писателей, утверждали, что Иисус Христос был только мудрый и добродетельный смертный, сын Иосифа и Марии, которого Бог избрал для исправления и вразумления человечества, а природу божественную Он получил уже взрослым, во время крещения Его Иоанном Крестителем. Первая часть этого верования, сходная с верой эбионитов, ожила и исповедуется христианами-унитариями, составляющими в настоящее время очень многочисленную и всевозрастающую протестантскую секту.

Достаточно бегло взглянуть на религиозные распри не в хронологическом порядке перечисленных нами сект, потрясавших первоначальную христианскую церковь и продолжавших господствовать и во времена Магомета, чтобы снять с него обвинение в сознательном распространении богохульных мнений о естестве и миссии нашего Спасителя.

Глава девятая

Насмешки над Магометом и его учением. Требование чудес. Поведение Абу Талиба. Насилия курайшитов. Дочь Магомета, Рукайя, со своим мужем Османом и некоторыми учениками пророка ищет убежище в Абиссинии. Магомет в доме Оркама. Злоба Абу Джаля; его наказание.

Магомету в начале его пророческой деятельности было всего труднее бороться с насмешками его противников. Все, знавшие его с детства, видевшие сначала его мальчиком на улицах Мекки, потом погруженного в обычные жизненные заботы, насмехались над его апостольством. Когда он проходил мимо, его поднимали на смех и, указывая на него пальцами, кричали: «Смотрите на внука Абд аль-Мутталиба, утверждающего, что он знает все, что творится на небе!». Очевидцы же его припадков умственного исступления и экстаза считали его помешанным; некоторые уверяли, что он одержим злым духом, другие же обвиняли его в колдовстве и чародействе.

Проходя по улицам, он подвергался тем насмешкам, упрекам и оскорблениям, какие чернь всегда любит изливать на человека, отличающегося иною жизнью и независимостью ума. Когда он начинал проповедовать, голос его заглушался неистовым шумом и непристойными песнями; в него даже бросали грязью, когда он молился в Каабе.

И не только чернь и невежды осыпали его такими оскорблениями; одним из самых грозных его противников был юноша по имени Амру; и так как он впоследствии займет видное место в истории магометанства, то мы хотим дать читателю понятие о тех обстоятельствах, при которых он впервые выступил. Он был сын жившей в Мекке куртизанки, до того обаятельной, что она могла бы соперничать с Фринами и Аспазиями Греции; в числе ее любовников было немало лиц очень знатного происхождения. Родив этого ребенка, она назвала многих людей из племени курайш, имевших одинаковые права считаться его отцом. Но так как его признавали больше всего похожим на Ааса, самого старого из ее поклонников, то к имени Амру начали прибавлять ибн ал-Аас, то есть сын Ааса.

Природа щедро одарила этого незаконнорожденного ребенка как бы для того, чтобы загладить бесчестие его рождения. В молодости он уже был одним из самых популярных поэтов Аравии и одинаково отличался как едкостью своей сатиры, так и пленительной нежностью своих серьезных песен.

Когда Магомет впервые возвестил о своей миссии, этот юноша осыпал его пасквилями и юмористическими мадригалами, которые, приходясь по вкусу арабам и быстро распространяясь, задерживали рост исламизма больше, чем самые жестокие преследования.

Люди, противодействовавшие Магомету более серьезно, требовали от него сверхъестественных доказательств истинности того, что он утверждал. «Моисей, Иисус и другие пророки, – говорили они, – чудесами доказывали божественность своего посланничества. Если ты действительно пророк, и притом больший, чем они, то твори хоть такие же чудеса».

Ответ на это дан Магометом в Коране. «Какое чудо может быть больше Корана, книги откровения, написанной при посредстве неграмотного человека? Язык ее так возвышен, доводы так неоспоримы, что дары дьявола и человека, соединенные вместе, не могли бы составить ничего подобного. Какое же еще нужно большее доказательство, что книга эта исходит от Самого Бога? Сам Коран есть чудо».

Но они требовали более осязательных доказательств чудес, действующих на чувства.

Им хотелось, чтобы он заставил немого говорить, глухого – слышать, слепого – видеть, мертвого – воскреснуть; или чтобы он изменил вид природы: заставил бы источники переполниться водой; превратил бы бесплодную местность в цветущий сад с пальмами, вино-

градными лозами и журчащими ручьями; воздвиг бы золотой дворец, осыпанный жемчугом и драгоценными камнями; или в их присутствии вознесся бы на небо. Наконец, если Коран действительно, как он утверждает, ниспосылается с неба, то им хотелось бы видеть, как он нисходит, или увидать ангела, приносящего его, – тогда бы они поверили.

Магомет, возражая, то приводит доказательства, то прибегает к угрозам. Он говорит: «Я – человек, посланный Богом, Его апостол. Если бы ангелы являлись обыкновенно на земле, то, наверно, ангел послан был бы для этой миссии; и как жалко было бы тогда положение тех людей, которые, как в настоящем случае, не поверили бы его словам! Они не могли бы рассуждать и спорить, как со мной; у них не было бы времени, для того чтобы убедиться, и их гибель была бы мгновенна. Бог не нуждается в ангелах, чтобы придать больше силы и значения моей миссии. Он сам является свидетелем между мной и вами. Те, которым Он даст способность убедиться, поверят искренно; те же, которых Он допустит остаться в заблуждении, не найдут никого, чтобы помочь их неверию. В день воскресения они предстанут слепыми, глухими, немыми и будут пресмыкаться, наклонив лицо к земле. Обителью их будет неугасаемая огненная геенна. Такова будет кара за их неверие».

«Вы настаиваете на чудесах. Бог дал Моисею силу творить чудеса. И что же вышло? Фараон пренебрег его чудесами, обвинил его в волшебстве и старался изгнать его вместе с народом из страны; но фараон был потоплен вместе с войском своим. Станете ли вы, зная это, искушать Бога чудесами и подвергаться опасности, чтоб и вас постигли кары, ниспосланные на фараона?»

Ал-Маалем, арабский писатель, рассказывает, что некоторые из учеников Магомета однажды присоединились к крику толпы, требовавшей чудес, настаивая, чтобы он раз навсегда доказал божественность своего посланничества, превратив в золото холм Сафа. Слыша отовсюду такие настойчивые требования, Магомет предался молитве; кончив ее, он объявил своим последователям, что явился архангел Гавриил и возвестил ему, что если бы Бог внял его молитве и сотворил желаемое чудо, то все не уверовавшие в Него были бы истреблены. Из сострадания к толпе, по-видимому упорной в своем неверии, он не хочет подвергать ее истреблению; таким образом, холму суждено было остаться в прежнем виде.

Другие мусульманские писатели утверждают, что Магомет иногда отступал от предписанного себе правила и творил чудеса, а именно когда находил, что его слушатели чересчур слабы в вере. Так, однажды в присутствии толпы он, говорят, подозвал быка и снял с его рога свиток, на котором написана была глава Корана, только что ниспосланная с неба. В другой раз, когда он проповедовал народу, белый голубь закружился над ним и, сев потом на плечо, как будто нашептывал ему что-то на ухо. По словам Магомета, этот голубь был ниспослан Богом. Наконец, однажды он велел вырыть перед собой яму, в которой оказались два кувшина, один – с медом, другой – с молоком. Пророк объяснил, что это – символы изобилия, обещанного небом всем, кто будет повиноваться его законам.

Христианские писатели отнеслись с насмешкой к этим чудесам, объясняя, что голубь был приучен к этому делу и по привычке искал пшеничного зерна в ухе Магомета, что свиток был ранее привязан к рогам быка, а кувшины с молоком и медом заранее закопаны в землю. Лучше всего было бы совершенно отбросить в сторону эти чудесные истории как сказки, придуманные фанатиками, как это и признано наиболее серьезными мусульманскими комментаторами.

Нет доказательств того, чтобы Магомет пускался на подобного рода проделки с целью придать больше силы своему учению и упрочить свои притязания на роль апостола. По-видимому, он в эту раннюю и нерешительную пору своей деятельности полагался только на свой ум и красноречие, вдохновляемое религиозным энтузиазмом. Его настойчивые нападки на идолопоклонство, развратившее и заменившее первоначальное почитание Каабы, имели заметное влияние и встревожили курайшитов. Они настаивали, чтобы Абу Талиб или заста-

вил племянника замолчать, или выгнал его вон. Видя тщетность своих требований, они объявили старику, что если этот мнимый пророк и его последователи будут упорствовать в своей ереси, то поплатятся за это жизнью.

Абу Талиб поспешил уведомить Магомета об этих угрозах и умолял его не восстанавливать против себя и своей семьи многочисленных и сильных врагов.

Энтузиазм Магомета выразился в следующих словах: «О дядя! – воскликнул он. – Если бы они восстановили против меня справа солнце, а слева месяц, я и тогда не отказался бы от своей задачи, пока Бог не повелел бы мне сделать это или не взял бы меня отсюда».

Он удалился опечаленный, но Абу Талиб снова позвал его. Старик не был еще правоверным, но его восхищала непоколебимая стойкость племянника, и он объявил ему, что, сколько бы тот ни проповедовал, он не выдаст его врагам. Чувствуя, что сам он не может оказать племяннику достаточно сильного покровительства, старик обратился к другим потомкам Хашима и Абд аль-Мутталиба для защиты их родственника от преследования со стороны остальных курайшитов – и семейные узы так сильны у арабов, что, хотя приходилось защищать то, что они считали опасной ересью, все, однако, изъявили согласие, кроме дяди его Абу Лахаба.

Злоба курайшитов все сильнее ожесточалась, так что дело дошло, наконец, до насилия. На Магомета напали в Каабе и едва не задушили его. Абу Талиб с трудом спас его и сам даже пострадал во время схватки. Ближайшие родственники пророка сделались предметом ненависти, в особенности же дочь его Рукайя и ее муж Осман ибн аль-Аффан. Те же из учеников его, у которых не было сильных друзей-защитников, рисковали поплатиться жизнью. Сильно тревожась об их безопасности, Магомет посоветовал им удалиться от его опасного общества и искать убежища в Абиссинии. Красное море довольно узко и достичь африканского берега было нетрудно. Абиссинцы были несторианами, стоявшими по религии выше своих варварских соседей. Их наджаши, или царь, пользовался славой человека веротерпимого и справедливого, и Магомет был уверен, что его дочь и бежавшие ученики найдут у него верное убежище.

Осман ибн аль-Аффан был вождем этого небольшого мусульманского отряда, состоявшего из одиннадцати мужчин и четырех женщин. Они пустились в путь по берегу моря к Джидде, гавани, находящейся на расстоянии двухдневного пути к востоку от Мекки, где нашли на якоре два абиссинских корабля, на которых они и отправились в ту сторону, где надеялись найти себе приют.

Событие это, случившееся в пятый год миссии Магомета, названо первой хиджрой, или бегством, в отличие от второй хиджры, или бегства самого пророка из Мекки в Медину. Хороший прием, оказанный беглецам, побудил и других приверженцев Магомета последовать их примеру, так что число мусульман, укрывавшихся в Абиссинии, дошло до восьмидесяти трех мужчин и восемнадцати женщин, не считая детей.

Курайшиты, убедившись, что Магомета нельзя заставить замолчать и что число обращенных им увеличивается с каждым днем, издали закон, по которому все последователи его подлежали изгнанию. Магомет удалился, прежде чем разразилась гроза, и укрылся у одного из своих учеников по имени Оркам, дом которого находился на холме Сафа. Этот холм, как мы уже говорили, упоминается в арабских преданиях как место, где Адаму и Еве еще раз позволено было сойтись после долгого одинокого странствования по земле, последовавшего за изгнанием их из рая. Холм этот также связан в предании с судьбой Агари и Измаила. Целый месяц оставался Магомет в доме Оркама, где откровения его все продолжались и куда собирались к нему сектанты из разных частей Аравии. Злоба курайшитов последовала за ним и в это убежище. Абу Джаль, араб этого же племени, разыскал его, осыпал обидными словами, даже нанес личное оскорбление действием. Об этом оскорблении донесли Гамзе, дяде Магомета, по возвращении его с охоты в Мекку. Гамза не был приверженцем ислама, но

он обещал покровительствовать племяннику. Держа слабо натянутый лук в своей руке, он вошел в собрание курайшитов, где Абу Джаль хвалился своим подвигом, и нанес хвастуну удар по голове, причинивший ему тяжелую рану. Толпа родственников Абу Джаля бросилась к нему на помощь, но хвастун, страшась могучей руки горячего Гамзы, старался его успокоить. «Оставьте его, – сказал он толпе, – я действительно очень грубо отнесся к его племяннику». Для смягчения своей вины он ссылался на вероотступничество Магомета, но это не могло успокоить Гамзу. «Хорошо! – вскричал он яростно и с презрением. – Я тоже не верю в ваших каменных богов; разве вы можете силой принудить меня к этому?». Гнев произвел в душе его переворот, который не мог совершиться под влиянием рассудка. Он тотчас же заявил о своем обращении, поклялся в верности пророку и стал одним из самых ревностных и доблестных поборников новой веры.

Глава десятая

Омар ибн ал-Хаттаб, племянник Абу Джаля, собирается отомстить за своего дядю убийством Магомета. Его чудесное обращение. Магомет находит убежище в замке Абу Талиба. Абу Софиан во главе враждебного колена курайшитов преследует Магомета и его приверженцев. Добивается приказа о воспрещении сообщения с ним. Магомет покидает свое убежище, приобретает новых приверженцев в течение месяца, посвящаемого богомолью. Легенда об обращении Хабиба Мудрого.

Строгое наказание Гамзой Абу Джаля еще более усилило ненависть последнего к пророку. У него был племянник по имени Омар ибн ал-Хаттаб – двадцатишестилетний гигант, необычайной силы и неустрашимой отваги. Его дикий вид смущал даже самых смелых, а его посох внушал зрителям больше ужаса, чем меч иного человека. Так повествует арабский историк Абу Абдаллах-Мохаммед ибн Омаль-Алвакеди, и последующие подвиги этого воина доказывают, что слова эти едва ли преувеличены.

По наущению дяди Абу Джаля этот свирепый араб взялся проникнуть в убежище Магомета, который все еще жил в доме Оркама, и заколоть его кинжалом. Курайшиты обвиняются в том, что обещали ему за это кровавое дело сто верблюдов и тысячу унций золота, но это неправдоподобно: разгоряченный местью племянник Абу Джаля не нуждался в подкупе. Направляясь к дому Оркама, он встретил одного курайшита, которому сообщил о своем намерении. Этот последний был тайным приверженцем ислама и попытался отклонить его от исполнения этого кровавого намерения. «Прежде чем убить Магомета и навлечь на себя месть его родственников, – сказал он, – ты посмотри, свободна ли от ереси твоя собственная родня!» – «Разве и среди моих есть вероотступники?» – спросил удивленно Омар. – «Да, есть, – был ответ. – Это твоя сестра Амина и ее муж».

Омар быстро направился к жилищу сестры и, внезапно войдя к ним, застал ее вместе с мужем за чтением Корана. Тот пытался было спрятать книгу, но его смущение убедило Омара в правдивости обвинения и увеличило его ярость. В порыве исступления он повалил мужа сестры на пол, придавил ногою его грудь и собирался пронзить его мечом, но тут вмешалась его сестра. Нанесенный ей удар залил ее лицо кровью. «Недруг Аллаха, – проговорила, рыдая, Амина, – неужели ты нанес мне этот удар за мою веру в единого истинного Бога? Вопреки тебе и твоей ярости я сохраню эту истинную веру. Да, – прибавила она с горячей набожностью, – нет Бога, кроме Бога, и Магомет Его пророк. Теперь, Омар, довершай свое дело!». Омар остановился, раскаялся в своей жестокости.

«Покажи мне писание», – сказал он. Амина, однако, не позволила ему дотронуться до священного свитка, пока он не омыл рук. Говорят, что он прочел из Корана двадцатую главу, начинающуюся таким образом:

«Во имя милосердного Бога! Мы не ради того ниспослали Коран, чтобы причинить несчастье человечеству; мы ниспослали его как наставление, чтобы научить людей веровать в истинного Бога, Творца земли и необъятного неба.

Престол Милосердного в небесах; Ему принадлежит все и в небесной выси, и внизу, на земле, и все под землей.

Не громким ли голосом произносишь ты молитвы? Знай же, что в этом нет нужды, потому что Богу ведомы самые сокровенные тайники твоего сердца.

Воистину, Я – Бог, и нет другого Бога, кроме Меня. Служи только Мне и никому другому. Не обращайся с молитвой ни к кому, кроме Меня».

Слова Корана глубоко проникли в сердце Омара. Он читал дальше, и внимание его все больше росло; когда же он дошел до той части, где говорится о воскресении и Страшном суде, обращение его уже совершилось.

Он продолжал путь к дому Оркама, но уже совсем в другом настроении. Скромно постучавшись в дверь, он умолял впустить его.

«Войди, сын ал-Хаттаба! – воскликнул Магомет. – Зачем ты явился сюда?» – «Я пришел внести свое имя в список верующих в Бога и Его пророка». И с этими словами он прочитал мусульманский символ веры.

И не успокоился он до тех нор, пока весть об его обращении не разнеслась всюду. По его просьбе Магомет тотчас же отправился с ним в Каабу, чтобы публично совершить религиозные обряды ислама. Омар шел по левую, а Гамза – по правую руку пророка, чтобы охранять его от поношений и издевательств, а за ними следовало более сорока учеников. При дневном свете прошли они по улицам Мекки, вызвав этим удивление жителей, и сделали семикратный обход вокруг Каабы, прикасаясь при этом каждый раз к священному «черному камню» и выполняя другие соответствующие церемонии. С ужасом смотрели на эту процессию курайшиты, но не решались приблизиться к пророку и оскорбить его, устрашенные взглядами таких смелых воинов, как Гамза и Омар, взглядами, сверкавшими, как у львицы, лишенной детеныша.

Отважный и решительный во всем, Омар на следующий же день в качестве мусульманина отправился один помолиться к Каабе, делая этим открытый вызов курайшитам. С другим мусульманином, вошедшим в храм, поступили грубо и помешали ему молиться, но никто не потревожил Омара, потому что он был племянник Абу Джаля. Тогда Омар отправился к дяде. «Мне не нужно твоего покровительства, – сказал он, – я не хочу быть в лучшем положении, чем мои единоверцы». С этих пор он связал свой жребий с последователями Магомета и стал одним из самых горячих их защитников.

Таково было чудесное обращение Омара, сделавшегося со временем знаменитейшим поборником ислама. Курайшиты были так ожесточены этим новым торжеством Магомета, что дядя его, Абу Талиб, опасался новых с их стороны покушений на жизнь племянника путем вероломства или насилия. Настойчивые просьбы его заставили Магомета в сообществе с некоторыми из своих главных последователей удалиться в укрепленный замок, принадлежавший Абу Талибу и находившийся недалеко от города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.